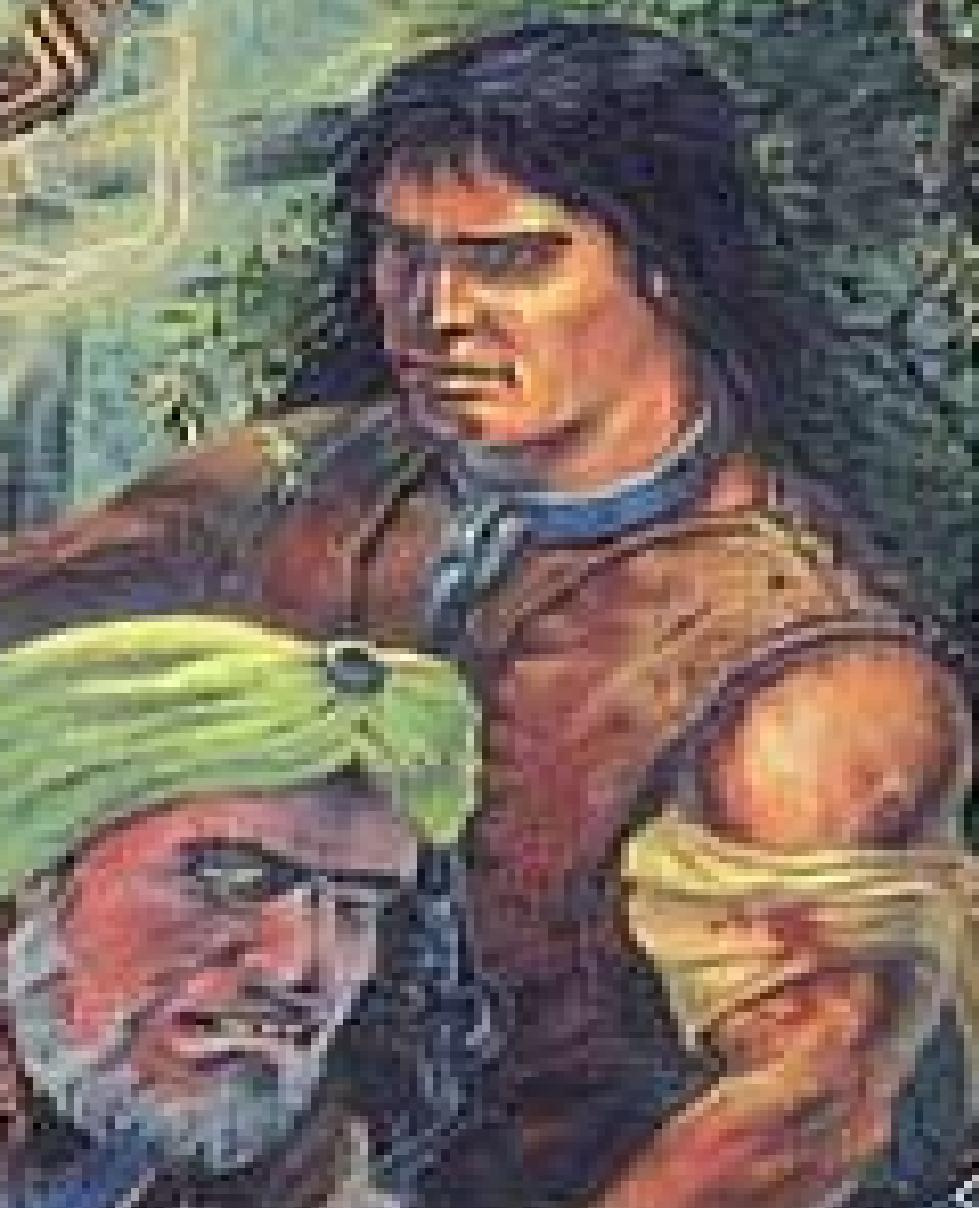

Северо-Запад
Сибирь

КОНАН

ПОЧИНЕТЕ КАМЕНКУ

-Северо-Запад-

Annotation

Король Конан и колдун Зольдо пускаются в полное опасностей путешествие, в джунгли Черных Королевств, дабы отыскать таинственный Камень Смерти...

- [Олаф Эйриксон](#)

- [Глава 1. НОЧНОЙ БРОДЯГА](#)
  - [Глава 2. В ПОКОЯХ КОРОЛЯ](#)
  - [Глава 3. ОДИН НА ОДИН С ГОЛОВОЙ](#)
  - [Глава 4. КОРОЛЕВСКИЙ СОВЕТ](#)
  - [Глава 5. ВОЛШЕБНИК ПЕЛИАС](#)
  - [Глава 6. НАЧАЛО ПУТИ](#)
  - [Глава 7. ДОРОГА К МОРЮ](#)
  - [Глава 8. АСГАЛУН](#)
  - [Глава 9. ПОКА КОРАБЛЬ ПЛЫЛ...](#)
  - [Глава 10. ДЖУНГЛИ](#)
  - [Глава 11. СВЯТИЛИЩЕ](#)
  - [Глава 12. КАМЕНЬ МЕРТВЫХ](#)
  - [Глава 13. ПОЕДИНОК](#)
  - [Глава 14. СМЕРТЬ ЗОЛЬДО](#)
  - [ЭПИЛОГ](#)
-

Олаф Эйриксон

Изгнаник с Серых Равнин

(Конан — 12)

Глава 1. НОЧНОЙ БРОДЯГА

Ночь окутала Тарантию, великий город великого королевства. Черное небо усеяли крупные звезды; казалось, они нависли так низко, что касаются своими лучами крыщ, парапетов городских стен и могучих башен, что охраняли каменный пояс Тарантии. Столица Аквилонии спала. Ночную тишину нарушила лишь звонкие удары колотушек сторожей, обходивших дозором свои участки. Время от времени они перекликались зычными голосами, но крики их не тревожили сон обитателей города. Наоборот, заслышав сквозь дрему протяжный долгий вопль, купец или ремесленник, либо кто-то иной из городских жителей — вместе со своей супругой и домочадцами — засыпал еще крепче, поглубже зарывшись в подушки, и сны его были сладкими и радужными. Только воров, грабителей да прочую нечисть, промышляющую темной порой, звуки колотушек и крики сторожей заставляли вжиматься в стены и прятаться в подворотнях. Но на этом их тревоги не кончались: отряды городской стражи прочесывали улицы и кривые переулки, отлавливая любителей ночной поживы. Так повелел Конан, король Аквилонии.

Едва миновала вторая стража, о чем оповестили голосаочных охранников, как окно на втором этаже постоялого двора "Одноглазый Волк" распахнулось, ударив о стену затянутыми бычьим пузырем ставнями. Из окна во двор выпрыгнул человек, легко приземлился на утоптанную почву и сразу встал на ноги. Привязанные рядом лошади обеспокоено захрапели, встревоженные его внезапным появлением; храп лошадей разбудил большого рыжего пса с обрубленными ушами, мирно дремавшего в конуре — он, громыхая цепью, кинулся к незнакомцу и залился утробным низким лаем. Человек сделал два шага навстречу собаке, и пес захлебнулся, отпрянул и, поскуливая, забился в конуру.

За дверями, что вели внутрь постоялого двора, грохнул засов, и незнакомец, метнувшись за угол, прижался к стене. Дверь распахнулась. Заспанный гостиничный прислужник появился на пороге с зажженной лампой в руке, потирая кулаком веки; потом он поднял лампу повыше, уставившись в темноту двора припухшими со сна глазами. Но лошади уже успокоились, собака не вылезала из конуры, поэтому на заросшей щетиной физиономии появилось недоумение. Слуга, здоровенный малый с плохо мытой шеей, потоптался на пороге, решая, что делать дальше: произвести обход или пойти досыпать. Приняв решение, он пошарил за дверью, извлек оттуда увесистую палку и, с палкой в руке, направился к собачьей конуре. Пес выскочил из своего убежища на зов и, радостно повизгивая, завертел хвостом. Некоторое время слуга тупо следил за проявлениями собачьей преданности, потом озарение коснулось его дремлющего мозга.

— Ублюдок... пустобрех... отродье Нергала! — хрипло проревел он и вытянул бедного пса палкой вдоль хребтины.

Собака с истошным визгом прынула назад, в конуру. Слуга посмотрел ей вслед и с чувством сплюнул. Он сунул палку под мышку; пасть его распахнулась в звучном зевке. Затем, почесав толстыми пальцами копчик, он поплелся к дверям гостиницы. Дверь за его спиной со стуком захлопнулась, загремел засов и наступила тишина.

Тогда незнакомец, скрывавшийся в тени, покинул свое убежище и быстрым шагом пересек двор. Пес не казал носа из конуры, кони мерно хрупали зерном. Человек поднял перекладину, запирающую ворота, толкнул тяжелую створку ворот и проскользнул в образовавшуюся щель.

Покинув двор гостиницы, незнакомец. Улица была пуста, окна близлежащих домов темнели, словно бездонные провалы пещер. Он развернулся и побежал вдоль улицы ровным упругим шагом воина, держась proximity от стен, чтобы в случае чего иметь возможность быстро скрыться. Судьба, однако, оказалась к нему благосклонна: препятствий на пути не встретилось. Ночной путник пересек кварталы знати и очутился перед стеной, окружающей королевский дворец. Здесь он остановился.

Человек поднял голову, цепким взглядом ощупав верх стены. Заметив силуэты двух часовых, он покрутил головой и ухмыльнулся каким-то своим мыслям; затем подобрался к стене поближе — к тому месту, где тень от сторожевой башенки черной непроницаемой завесой падала на камни кладки. Вступив в темноту, незнакомец точно слился с ней и стал невидим. Он вытащил из-за пояса два узких стилета с прочными четырехгранными клинками и, вонзая кинжалы в щели меж камнями, начал подъем.

Глава 2. В ПОКОЯХ КОРОЛЯ

Конан, король Аквилонии варвар из Киммерии, спал, раскинув по широкому ложу руки, способные свернуть шею быку.

Это были личные покои короля в которых он уединялся, когда не спал в опочивальне Зенобии, своей королевы. Здесь же, собрав военачальников, он провел уже не один военный совет. Сюда приводили гонцов, примчавшихся на взмыленных лошадях, отсюда же они уходили, унося в сумках приказы, скрепленные королевской печатью, оттиснутой на цветном воске. Стены покоев, задрапированные плотной темно-зеленой тканью, несли не себе груз разнообразнейших доспехов и оружия. Кованые, склепанные из тысяч колечек кольчуги соседствовали с панцирями из кожи, покрытыми тонкими металлическими чешуйками в несколько слоев; кривые кхитайские мечи висели рядом с тяжелыми прямыми эспадронами, сработанными кузнецами Асгарда и Ванахейма; изогнутые кинжалы кочевников пустынь широким веером окружали боевые топоры с массивными топорищами, отполированные до блеска прикосновениями ладоней воинов, огрубевших от мозолей. Укрепленные в специальных стойках, вдоль стен выстроились копья, дротики и алебарды. Доспехов и оружия, которые находились в королевских покоях, хватило бы на то, чтобы до зубов вооружить небольшой отряд ратников.

Посреди залы стоял большой шестигранный стол, сколоченный из дубовых досок и покрытый темным лаком. Стол окружали дубовые кресла; их ножки, вырезанные в форме львиных лап, покоились на красном туранском ковре. Одну из стен занимал огромный камин, сложенный из гранитных валунов; у противоположной стены находилось широкое ложе, застланное множеством шкур, в изголовье которого висел длинный и широкий меч в старых потертых ножнах.

Легкий, еле слышный шорох, раздавшийся в тишине чертога, мгновенно разбудил короля. Конан сел в постели, хмурясь и протирая глаза; лицо его, только что спокойное и безмятежное, приняло сосредоточенное выражение. Источник звука он определил сразу — подозрительный шорох доносился из каминной трубы, от огромного очага, украшавшего его спальню. Киммериец прислушался, и в его холодных синих глазах сверкнуло раздражение. Столько шума мог производить только человек! Какой-то ополоумевший вор, решивший поживиться во дворце тем, что плохо лежит? Что ж, он попал прямо туда, куда нужно! С угрюмой ухмылкой король откинулся в сторону шкуру, служившую одеялом, и протянул руку к мечу, висевшему в изголовье. Стражу, что ли, позвать, мелькнула ленивая мысль. Он отмахнулся от нее и, бесшумно соскользнув в ложа, неслышным шагом подкрался к камину. Глазам его темнота помехой не была: он сразу разглядел конец веревки, свисающий из дымохода. Веревка дергалась туда-сюда, а из трубы явственно был слышен негромкий шорох. Памятуя свой собственный опыт в подобных делах, Конан убедился, что вор лезет в одиночку. Совсем спятил, решил он. Раздражение его улетучилось, и во взгляде киммерийца, направленном в отверстие дымохода, появилось нечто вроде симпатии.

Надевая набедренную повязку, он обдумал план своих действий. Вор — явно сумасшедший, ибо только безумец мог решиться на этакую авантюру. Стражу звать не стоит, а лучше затаиться где-нибудь в покоях и понаблюдать за незваным гостем. Потом нездачливого грабителя можно разок стукнуть по голове, а когда очнется, порасспросить. Ежели вор, пробираясь сюда, не прикончил никого из дворцовой охраны, то пусть убирается

на все четыре стороны — тем же путем, каким прибыл; если же он совершил убийство, то будет принародно казнен, чтобы другим неповадно было. Внезапно губы Конана тронула довольная улыбка. Хоть какое-то развлечение в монотонной дворцовой жизни! Он начал уже уставать от пиров, охоты и государственных дел.

Сняв со стены меч, король освободил его от ножен. Ножны он спрятал под шкурами, а лежавшую рядом одежду засунул под кровать. Создав видимость пустой опочивальни, с мечом в руках Конан вернулся к камину. Свободной рукой он по дороге прихватил одно из массивных дубовых кресел и притаился за ним сбоку от камина, чтобы отрезать грабителю путь к бегству. Ждать киммерийцу пришлось совсем недолго.

Шорох в дымоходе усилился, вскоре Конан услышал, как в камине тихо скрипнула под подошвами зола. Спустившись, вор замер, прислушиваясь, затем сделал несколько осторожных шагов, и король уперся взглядом в его спину. Человек в короткой тунике-безрукавке темного цвета стоял посреди покоя и, озираясь, вертел головой. Конан, сидя на корточках за креслом, видел каждое его движение сквозь резную спинку, сам оставаясь незамеченным. Вот незнакомец крадучись стал пробираться в центр обширной залы... вот он снова замер, недвижный, словно скала... вот голова его повернулась к королевскому ложу...

Конан неслышно поднялся в полный рост, намереваясь швырнуть кресло под ноги незваному гостю, подскочить к упавшему и оглушить его одним мощным ударом, но неожиданно тот обернулся: глаза короля и вора встретились. В следующее мгновение Конан сильным толчком швырнул кресло. Однако грабитель оказался не так-то прост; стремительно отпрыгнув в сторону, он увернулся от летящего в него снаряда, и кресло с грохотом врезалось в противоположную стену. Киммериец выскочил вперед, отsekая вору путь к отступлению.

У дверей в королевскую опочивальню стояли в ночном карауле два гвардейца. Король их, однако, был не из тех людей, что нуждаются в охране, и стражи от нечего делать убивали время за игрой. По команде «три» оба одновременно выбрасывали из-за спины руки с растопыренными пальцами; при нечетном числе выигрывал один, при четном — другой. Играли на мелкую медную монету, не ради денег, а на интерес; бессмысленное занятие, конечно, но оно помогало скоротать томительное ночное дежурство.

Грохот, вдруг донесшийся из высочайших апартаментов, заставил стражей переглянуться. Они бросили игру и замерли, озадаченно прислушиваясь; король не любил, когда его беспокоили попусту, а крутой нрав его был известен всем. Наконец старший караульный принял решение: сняв со стены горящий факел, он осторожно приоткрыл двери и заглянул в королевские покои. То, что он увидел, повергло его в изумление — король, пригнувшись, как хищный зверь, стоял перед камином в одной набедренной повязке и с обнаженным мечом в руке.

Конан услышал, как за его спиной тихонько скрипнула дверь, но даже не обернулся. Ткнув острием клинка в сторону вора, он отдал краткий приказ:

— Схватить его!

Воин направил свой взгляд туда, куда повелительно указывал королевский меч, и обнаружил незнакомого человека, замершего у стены, увешанной оружием. Уже безо всяких сомнений гвардеец широко распахнул створки дверей и вполголоса сказал напарнику:

— Еще двоих сюда. Быстро!

Тот кивнул и, выскочив на середину коридора, коротко и негромко свистнул. Из-за ближайшего поворота высунулась голова в шлеме. Страж показал два пальца и призывно

махнул рукой.

Тroe гвардейцев, бряцая доспехами, направились к грабителю; четвертый с факелом остался у двери, блокируя выход.

Вор, однако, не стал дожидаться, пока солдаты приблизятся вплотную, и проворно метнулся в угол, где резными ножками кверху валялось кресло. Стражники кинулись за ним. Они были уже в двух шагах от преследуемого, когда тот, ухватившись за ножки кресла, не глядя, швырнул его себе за спину. Кресло смело двух солдат, которые бежали впереди; покатившись по полу, они сбили с ног своего товарища. В следующий миг незнакомец подскочил к поверженной страже и одним ударом отправил в беспамятство последнего, не оглушенного креслом гвардейца; затем звонко и презрительно расхохотался:

— Эй, король, — вскричал он, — я без оружия!

Конан на мгновение растерялся. Он уже понял свою ошибку — этот незваный гость мог быть кем угодно, но только не вором! В душе киммериец одобрил его действия; он и сам бы поступил точно так же. Теперь этому парню осталось только схватить со стены что-нибудь из оружия и пробиваться на свободу — коль уж он попал в такое безвыходное положение. Но странный незнакомец не делал попытки завладеть мечом или топором; наоборот, он предупреждал, что безоружен.

— Кром! — рявкнул киммериец. — Кто ты такой и чего тебе надо? — Я — вор, — с ухмылкой ответил пришелец. — Вор, который пришел украсть у тебя кое-что.

— По-моему, ты больше похож на помешанного, пробормотал Конан. — Только безумца во дворце мне и не хватало!

Незнакомец стоял среди тел оглушенных стражников, скрестив на груди руки, и улыбался, сверкая белыми зубами. Конан расслаблено опустил руку с мечом; похоже, его предположение об окончательно спятившем воре подтвердились настолько точно, что он этому уже не был рад. Окинув хмурым взглядом сумасшедшего, король повернулся к гвардейцу, стоявшему с факелом у двери.

— Ну-ка, парень, кликни людей. И пусть принесут сеть, распорядился он.

— Но, ваше величество... — попытался возразить солдат.

— Это просто сумасшедший, — прорычал Конан. — Не беспокойся, я присмотрю за ним! Кром, как я хочу спать... Он широко зевнул.

— Не надо никаких сетей, — грозно предупредил безумец, — а то я возьмусь за меч. Пусть твой воин остается на месте.

— Останется, останется, — проворчал киммериец и подмигнул солдату. Тот скрылся за дверью.

— Вот как ты встречаешь гостей! — с негодующим возгласом сумасшедший устремился к выходу.

— Стой на месте, недоумок! — приказал Конан, но безумец будто бы и не слышал.

Король отшвырнул меч и кинулся ему наперерез, но не учел прыти сумасшедшего — тот несся, как ураган, опрокидывая по пути мебель. Конан занес тяжелый кулак, метя в голову, но сумасшедший вор внезапно нырнул вниз и прокатился по полу, с силой ударив короля по ногам. Потеряв равновесие, Конан рухнул, пытаясь ухватить его за тунику, но промахнулся. Безумец, сделав ловкий кувырок, вскочил на ноги и полетел к двери.

Сыпя отборнейшими ругательствами, король выбежал в коридор.

— Держите его! — взревел он во всю мочь своей могучей глоткой.

Темная туника мелькала уже в самом конце прохода. Навстречу ее обладателю с копьями

наперевес выступила пара солдат ночной охраны.

— Взять живым! — вскричал король.

С такого расстояния ему не удалось разглядеть, что сделал незнакомец, только солдаты, будто тряпичные куклы, разлетелись в обе стороны и остались лежать неподвижно. Сумасшедший разразился громким хохотом и стремительными прыжками помчался дальше.

— Ваше величество! — крик позади заставил Конана обернуться.

К его покоям спешил отряд из пятнадцати человек во главе с Паллантидом, командиром Черных Драконов — личной гвардии аквилонского владыки. Чешуйчатые доспехи воинов поблескивали в свете факелов, на высоких шлемах развевались конские хвосты; почти все эти отборные солдаты не уступали ростом самому королю.

— За мной! — приказал Конан.

Паллантид догнал его и пристроился рядом.

— Что случилось, ваше величество? — спросил он на бегу.

— Во дворце сумасшедший, — кратко ответил король.

Командир Черных Драконов чуть не споткнулся от неожиданности. Они пробежали мимо валявшихся без сознания охранников.

— Эй, кто-нибудь! Осмотреть и доложить, — бросил Паллантид через плечо.

Один из солдат отстал; он склонился по очереди над бесчувственными телами, затем поспешил вдогонку отряду. Поравнявшись с командиром, солдат произнес:

— Ран нет. Оба только оглушины.

— Ваше величество, вы уверены, что тот парень — простой сумасшедший? — осторожно поинтересовался Паллантид.

— Что? — переспросил Конан. — Проклятье! — Он выругался, заметив еще одного солдата, без памяти валявшегося у стены.

— По-моему, он направляется к покоям королевы, вырвалось у команда гвардейцев. Кроль ожег его таким взглядом, что Паллантиду стало не по себе.

— Прибавить шаг! — гаркнул Конан. — Быстрее!

Сам он припустил по коридору со всей скоростью, на которую был способен. Грохоча сапогами и лязгая оружием, солдаты устремились за королем.

У дверей в чертоги королевы происходила схватка между сумасшедшим и тремя Черными Драконами, в ту ночь хранившими покой и сон повелительниц Аквилонии; четвертый воин караула вытянулся в стороне на полу, не подавая признаков жизни. В руках солдат сверкали мечи, а безумец отбивался от них, вращая копьем, которое, по-видимому, похитил по дороге.

Конан опытным взглядом оценил шансы сражающихся; его невольно поразила сноровка в обращении с копьем, какую демонстрировал безумец. Троє меченосцев в полном бессилии кружили вокруг него, и единственno, что им удавалось беспрерывными атаками удерживать незваного гостя на одном месте. Он же с легкостью отбивал нападение солдат, не давая им подойти слишком близко. Света от шести факелов укрепленных в подставках, вполне хватало, и можно было разглядеть, что на обнаженных руках сумасшедшего нет ни одного пореза, ни одной раны. Он размашисто ударил копьем, заставив отскочить противников; вслед за этим безумец стремительно прыгнул вперед и нанес удар в грудь одному из солдат. Воин сложился пополам, загребая руками воздух и рухнул на пол. Теперь у безумца оставалось всего два противника.

Топот множества ног за спиной принудил странного вора обернуться.

— А вот и король! — заорал он, не забыв, тем не менее, свести на нет очередную атаку двух оставшихся стражей. Медленно же ты бегаешь, киммериец!

Когда королевский отряд приблизился, сумасшедший занял позицию у стены, не давая возможности окружить себя. Он начал вращать свое оружие с бешеною скоростью, так что копье разрезало воздух с непрерывным низким гудением.

— Так ли он безумен, государь? — ее раз спросил Паллантид, оценив опытным взглядом сноровку виновника ночной тревоги.

Король не слушал.

— Сеть! — кратко бросил он.

Тroe солдат бросились разматывать принесенную сеть.

— Растворите ее позади меня и будьте наготове, — приказал Конан.

— Что вы задумали, ваше величество? — обеспокоено спросил Паллантид. — У нас достаточно солдат, чтобы справиться с ним.

Киммериец не отвечал; он впился глазами в человека у стены. Сумасшедший по-прежнему вращал копьем, не останавливаясь ни на секунду. Сейчас король мог рассмотреть непрошеного ночного гостя гораздо подробнее, чем при скучном освещении в собственной спальне. Он был по полголовы ниже Конана, поуже в плечах и с менее развитой мускулатурой, но все же не производил впечатление обычного человека. Казалось, мышцы обвивают его тугими канатами; сухое натренированное тело профессионального бойца поражало соразмерностью и мощью.

— Паллантид, этот парень снесет голову любому из твоих парней даже не поморщившись, — наконец буркнул король и повернулся к солдатам. — Сеть готова? — спросил он.

— Готова, государь.

— Растворите ее за моей спиной и приготовьтесь.

Командир отдал Черным Драконам распоряжение, и Конан вышел вперед. Драконы рассредоточились в коридоре, полукругом охватив безумца; оба воина оставшиеся на ногах, и караула у дверей в опочивальню королевы, присоединились к отряду. Они тяжело дышали, пот ручьями стекал по их красным лицам.

Конан, весь напружинившись, внимательно следил за безумцем. Тот будто бы врос ногами в пол, откинулся светловолосую, перемазанную сажей голову; на лице его блуждала странная улыбка, словно предстоящая схватка была всего лишь забавным аттракционом. Глаза Конана и незнакомца встретились, и подозрения Паллантида пришли на ум королю в зрачках этого человека, проникшего ночью во дворец с неведомой целью, не было ни капли безумия. Осмысленный взгляд незнакомца столь же пристально следил за окружившими его людьми. Правда, в глазах его пряталось нечто такое, от чего у киммерийца пробежала холодная волна по телу, но безумием то назвать было нельзя. Тайну пришельца мно было разрешить, только схватив его, то оказалось весьма непростым делом.

Незнакомец перестал вращать копьем и застыл, готовый отразить любую атаку.

— Брось копье и сдавайся! — раздался повелительный голос Паллантида.

— Попробуй, отбери его сам, — безмятежно ответствовал пришелец, не выказывая даже признаков страха или желания повиноваться.

Конану не хотелось губить зря своих воинов; он понимал, что если странный гость выхватил у кого-нибудь меч, то солдатам не поздоровится. Судя по тому, что натворил пришелец голыми руками, он способен если не пробиться на свободу с мечом в руках, то

положить столько человек, что подсчет павших поразит кого угодно. На своем веку киммериец повидал немало фехтовальщиков и бойцов, чье искусство стало легендарным, но всем им было далеко до этого человека, стоявшего сейчас в коридоре королевского дворца. Но пришелец, похоже, не жаждал крови — он не убил за время пребывания во дворце никого, хотя мог бы сделать это с легкостью. Воины, поверженные им, уже подавали первые признаки жизни; один застонал, другой попробовал подняться и повалился на колени. Они медленно приходили в себя.

Конан решил сделать последнюю попытку.

— Слушай, вор, — сказал он незнакомцу, — мне по нраву твоя доблесть в бою. Ты не обагрил своих рук лишней кровью. Сложи оружие и убирайся, а утром можешь смело возвращаться снова. В войске всегда нужны такие умельцы, как ты. Слово короля, ты свободно покинешь дворец, никто не будет чинить тебе препятствий.

— Спасибо и на том, но без нужного мне я не уйду, пришелец отвесил легкий поклон, тряхнув светлыми прядями.

— Кром! что тебе нужно, мерзавец? — поинтересовался король и добавил: — Твою наглость я прощаю.

— Увидеть королеву Зенобию.

— Что?!

— Увидеть королеву Зенобию, — повторил пришелец.

Король начал поднимать меч, но тут за его спиной раздался спокойный голос:

— Конан!

Головы людей невольно повернулись. В дверях покоев стояла королева, закутанная в синий плащ; в правой руке она сжимала длинный прямой кинжал. Из-за спины Зенобии испуганно выглядывала прислуживающая ей девушка.

— Шум, которым подняли вы, разбудит даже мертвеца, громко произнесла супруга Конана изывающее спросила: Ну, кто хотел увидеть королеву?

Вдруг киммерийца как громом ударило предчувствие беды; он ощутил, что сейчас произойдет нечто непоправимое.

— Зенобия, — закричал он, — уходи!

По коридору пронесся порыв холодного ветра, и люди оцепенели, не в силах двинуться с места.

Пришелец выбросил в сторону королеву руку, и выкрикнул несколько слов — странные слов, чуждых человеческому уху. С пальцев незнакомца слетела зеленая молния и ударила королеву в грудь. Кисть ее бессильно разжалась, ослабевшие пальцы выпустили клинок; потом тело королевы на миг окутало зеленоватое свечение; и она медленно опустилась на пол.

Ослепший от горя и ярости киммериец усилием воли сбросил с себя невидимые пути. Затем он вскинул меч и, взревев глухо и яростно, прыгнул вперед.

Незнакомец развернулся навстречу летящему в прыжке королю и нанес ему стремительный удар копьем. Подошвы Конана еще не коснулись твердой опоры, но лезвием меча он срезал половину древка, как тонкую тростинку. Острие описало в воздухе дугу, и пришелец не успел перехватить обрубок, чтобы парировать второй удар короля; оточенная полоса стали со свистом врезалась ему в шею, и голова, нелепо кувыркаясь, взлетела в воздух.

Обезглавленное тело слегка покачнулось от удара, но и только; ни капли крови не

вытекло из перерубленных вен и артерий. Затем труп опустился на колени и стал слепо шарить вокруг в поисках утерянной головы, которая откатилась далеко от места схватки. Это было так неожиданно, что Конан на мгновение отпрянул. Однако подобная чертовщина была не в диковинку для короля Аквилонии — во время своих странствий, полных приключений, он навидался всякого. С ожившими мертвецами надо обращаться. Ухватив страшного гостя за тунику, он швырнул его в сеть.

— Свяжите его! — рявкнул король. — Да побыстрее, недоумки!

Грозный окрик вывел людей из оцепенения. Хотя лица солдат побелели от страха, ослушаться приказа не посмел никто; они скопом навалились на внушающего ужас врага, подбадривая друг друга криками. Обезглавленное тело пришельца туда запеленали в сеть, но оно безостановочно извивалось в путах, стремясь вырваться на свободу.

Конан подбежал к неподвижно лежащей королеве.

Девушка-прислужница стояла на коленях перед Зенобией, закрыв лицо ладонями; плечи ее тряслись. Король опустился на колени рядом с ней и прижался ухом к груди жены. Когда он поднял голову, лицо его было искажено гримасой отчаяния.

Верный Паллантид осторожно приблизился к королю.

— Государь, что с королевой? — тихо спросил он.

— Она мертва, Паллантид, — глухо ответил Конан, поднимая сжатые кулаки над головой. — Мертвa! — прорычал он со стоном, тяжело поднимаясь с пола.

— Унесите королеву в ее покой... — начал было он, но сам себя прервал. — Нет. Я сам!

Он бережно поднял тело Зенобии, прижав к могучей груди и со своей печальной ношей направился к дверям опочивальни. Девушка последовала за ним, не переставая плакать.

— Ваше величество, — окликнул киммерийца командир Черных Драконов, — а что делать с этим? — Паллантид мотнул головой в сторону кокона из сети, извивающегося в ногах у солдат.

Конан хмуро взглянул на него — в синих глазах короля бушевало холодное пламя.

— Подождите. Я сейчас вернусь, — сказал он.

Не в силах выдержать взгляда короля, Паллантид склонился в поклоне и не разгибал спины, пока дверь не скрыла за собой государя.

Конан бережно уложил тело Зенобию на ложе. Пальцы его, огрубевшие от меча, коснулись вороных прядей. Волосы разметались по пышным подушкам, обрамляя белое, как мел, лицо.

— Позови остальных, — приказал Конан служанке. Оденьте и приберите его.

Девушка бросилась выполнять приказание. Когда она вернулась, короля в покоях уже не было.

* * *

Солдаты столпились вокруг безголового, с суеверным ужасом наблюдая за его конвульсиями. Опытные бойцы, ходившие с королем не в один поход, участвовавшие в разгроме армии Ксалтотуна, он все же никогда не сталкивались с колдовством так близко. Тем более с таким! Воины нерешительно переминались, вполголоса переговаривались между собой. Когда тело вдруг перестало биться в тщетной попытке разорвать крепкие сети, вздох облегчения вырвался у всех разом, как по команде. Паллантид отоспал троих охранять голову

незнакомца, и солдаты окружили ее, держась на почтительном расстоянии. Голова лежала на полу и строила угрожающие гримасы, от которых у воинов под кольчугами бежали струйки холодного пота. Командир Черных Драконов неторопливо расхаживал между телом и головой, положа руку на рукоять меча: ему тоже было не по себе, но он старался сохранить бесстрастность. Когда король вышел из покоеv Зенобии, Паллантид поспешил ему навстречу.

Киммериец мельком взглянул на спеленатое тело и прямиком направился к голове. Паллантид последовал за ним, держась позади. Конан присел на корточки перед головой, которая тут же перестала корчить гримасы и устремила на короля светло-желтые глаза.

— Кто ты? — спросил Конан. — Отвечай! Клянусь Кромом, я найду способ развязать тебе язык. Из какой преисподней ты явился?

— Меня зовут Зольдо, — ответила голова.

— Зовут? — прорычал киммериец. — Лучше скажи, звали! Не думай, что твои колдовские фокусы делают тебя неуязвимым. У каждого есть своя смерть, и я — клянусь Кромом! — найду, где лежит твоя!

— Тогда считай, что мы договорились, — сказала голова. Надеюсь, слово короля так же крепко, как и его удар мечом.

— Что ты несешь, падаль? — взревел Конан и, схватив голову за длинные пряди, поднял в воздух.

Зольдо страдальчески наморщил лоб.

— Король, — протянул он, — твоя королева не мертва, она всего лишь уснула. Слышишь, уснула! Ты понимаешь, что я сказал?

До Конана дошел смысл этих слов, и он разжал пальцы. Голова с гулким стуком шлепнулась на пол.

— Полегче, король, — заявила она, подскочив при падении, — со своей головой ты бы так не обращался.

Конан подхватил ее и поставил на обрубок шеи.

— Так-то будет лучше, — удовлетворенно отметил Зольдо.

— Значит, уснула? — переспросил киммериец. Сам не зная почему, он сразу поверил речам пришельца; в безумных его поступках была какая-то логика — впрочем, совершенно непонятная Конану. — Но как я могу тебе верить? Ведь ты колдун и нечисть?

И тут голова сказала то, что повергло короля в изумление.

— Спроси Пелиаса, — произнесла она. — Он подтвердит мои слова.

Глава 3. ОДИН НА ОДИН С ГОЛОВОЙ

Командир личной гвардии с неменьшим изумлением услышал приказ, исходящий из уст государя:

— Отнесите тело в мои покой.

Паллантид не осмелился возразить — тем более, что король, небрежно ухватил голову Зольдо за волосы, встал и направился мимо ошарашенных солдат.

Необычное шествие проследовало по королевскому дворцу. Возглавлял его сам Конан; он нес отрубленную голову, крепко ухватив ее за длинные светлые пряди. За ним трое солдат тащили на плечах ношу, туго стянутую сетью. Остальные воины почетным караулом окружили короля и его сопровождающих.

Навстречу шествию торопился большой отряд, поднятый по тревоге. Конан жестом подозвал к себе начальника Черных Драконов.

— Паллантид, отпусти людей. Отмени тревогу и прикажи держать язык за зубами. Кто проболтается, тому не сносить головы.

Паллантид, выслушав приказ, поклонился и поспешил его выполнять. Он опередил шествие и взмахом руки остановив солдат, затем отдал распоряжение лейтенанту; тот рявкнул на своих людей, и воины, развернувшись, направились назад, в казармы.

— Ваше величество, после того, как вы пройдете в опочивальню, я прикажу сменить все караулы, — отрапортовал вернувшийся Паллантид.

— Хорошо. Но проследи, чтобы не было лишних разговоров.

Когда король остался в покоях наедине со своим ужасным собеседником, Паллантид выстроил участников в ночном сражении гвардейцев и обратился к ним с небольшой речью.

— Сейчас придет смена, и вы отправитесь в казармы. О виденном языками не плести! Королева жива. Преступник схвачен и обезглавлен. Понятно? Обезглавлен! Кто лишнее ляпнет, окажется на северной границе или в Боссонских топях. Это в лучшем случае! Я прослежу сам. В худшем будет искать свою башку, если сумеет. Все!

После произнесения этих слов Паллантид приидично оглядел солдат, желая определить, какое впечатление произвела на подчиненных его краткая речь. Результаты осмотра удовлетворили его. Гвардейцы были поражены: обычно командир ронял два-три слова, а тут целая речь! Что касалось мрачных перспектив, нарисованных им, то они прекрасно знали, что все это правда: Паллантид всегда выполнял свои обещания, какими бы они не были. И, естественно, служба во дворцовой охране не стоила того, чтобы менять ее на границу. Поэтому каждый солдат поклялся себе молчать до самой могилы. Паллантид же знал, что все солдатские клятвы — до третьего кувшина вина в харчевне. Но ничего! Первое время они будут молчать под страхом наказания, ну а дальше, когда все увяжется, выболтанная под страшным секретом тайна превратится всего лишь в пьяную болтовню упившегося солдата.

Сам же командир Черных Драконов отправляясь спать не собирался; проследив за сменой постов, он вернулся к покоям. Для него было ясно как дважды два, что все еще только начинается.

Оказавшись, снова в своих покоях, король громким голосом потребовал огня. Паллантид без промедления вошел к нему с факелом. Он собрался зажечь свечи, но Конан отобрал у него факел и движением руки повелел удалиться. Положив голову Зольдо на стол, он снял с каминной полки литой бронзовый подсвечник с целыми свечами и запалил их от факела, который загасил о решетку очага и отбросил прочь. Затем киммериец поставил подсвечник на стол рядом с головой. Расплавленный воск капнул со свечи ей на щеку, и Зольдо, скосив глаза, недовольно поморщился. Король тем временем поднял тело и перенес его на середину комнаты — так, чтобы оно было поле зрения. Наконец он сел в одно из кресел и, протянув руку, повернул голову лицом к себе.

— Ты знаешь Пелиаса, огрызок? — спросил он мрачно.

— Еще бы мне его не знать, — ответил Зольдо и добавил: — Не зови меня так — я ведь сказал тебе свое имя.

— Я сожгу тебя по частям и развею пепел по ветру! Конан так сжал кулаки, что побелели костяшки пальцев.

— Полно, король, твой гнев бессилен, а угрозы смешны, голова моргнула и ухмыльнулась. — Сон твоей супруги тогда продлиться на весь срок жизни, отпущеный ей богами, и тихо перейдет в смерть. В таком случае моешь укладывать свою жену в усыпальницу прямо сейчас. А меня ты этим не убьешь.

— Что тебе надо, нечисть? Выкладывай! — Конан испустил тяжелый вздох.

— Я не нечисть, киммериец! — рявкнула голова. — Я Зольдо! Бессмертный Зольдо! Запомни это!

Заявление головы повергло Конана в тяжкие раздумья. Так или иначе смерть жены он не собирался оставлять без отмщения, и путь его — учитывая странные обстоятельства дела — все равно вел к волшебнику Пелиасу. Только этот чародей мог дать ответы на его вопросы, как уже случалось и раньше. С волшебником киммериец поддерживал отношения, которые можно было назвать дружескими, если бы Пелиас не был колдуном. Кроме того, Конан однажды вызволил волшебника из плена у черного мага, которому он хоть сколько-то доверял.

Поразмыслив некоторое время, король снова уставился на голову Зольдо и недоверчиво переспросил:

— Так ты бессмертен?

Голова помрачнела.

— Да, мой король. И я пришел к тебе предложить сделку: жизнь за жизнь, смерть за смерть.

— Как это?

— Ты сам сказал: у каждого есть своя смерть. Есть она и у меня, только мне ее не достать. Я хочу, чтобы ты нашел мою смерть.

— И что же потом?

— Когда я умру, чары развеются и королева проснеться.

— Да? — Конан недобро усмехнулся. — Ты уже солгал, когда назвал себя бессмертным: если у тебя есть смерть, то твоему бессмертию — грош цена.

— Ты мне не веришь? — удивилась голова.

Конан яростно оскалился.

— Кром, владыка Могильных Курганов, пошли мне терпение! Почему это я должен тебе верить? Тебе, отродье Нергала?

— При чем тут Нергал? Я тебя не обманывал с самого начала. Я сказал тебе, что пришел обокрасть тебя — сделал это: я украл у тебя королеву. А теперь я тебе говорю, как ты можешь ее вернуть, в этом есть и моя выгода. Я — честен!

— Ты — кусок протухшей мертвечины! Ублюдок, который тайком пролез в мой дворец, чтобы добраться до ни в чем не повинной женщины! — заорал Конан, стискивая огромные кулаки.

Зольдо нахмурил брови.

— А что мне было делать? — глухо проговорил он. Выполнить мое условие в силах только ты... только ты, и никто больше.

— Кто тебя это сказал? — вскинулся король.

— Пелиас, — отрезала голова.

— Ладно, — Конан покачал головой, — я верю тебе в том, что моя супруга жива — в это я просто хочу верить. Другого выхода у мен нет. Я отправлюсь к Пелиасу поутру, твое тело останется скованным в темнице, а ты, огрызок, в мешке отправишься со мной, как залог своих собственных слов.

— Не стоит этого делать, король. Ты ведь можешь потерять меня по дороге, не так ли? И нужно ли понапрасну терять столько времени на поиски? — попытаться взразить голова. Проще послать гонца к Пелиасу и подождать, пока он не прибудет.

— У тебя, видно, через шею вытекли все мозги, сморщился Конан. — Вряд ли Пелиас покинет свое логово, даже ради удовольствия лицезреть тебя разделенным на две части. Паллантид! — гаркнул он.

Командир Черных Драконов безмолвно вырос на пороге. Конан ткнул пальцем в неподвижный сверток на полу опочивальни.

— Тело отнести в темницу, — приказал он. — Сетей не снимать. Заковать в цепи и приковать к стене. Поставить охрану. Глаз не спускать.

— Слушаюсь, государь. — Паллантид замялся. — Государь...

— Что еще? — нахмурился Конан.

— Может, стоит сообщить графу Просперо...

— Ты прав, — кивнул король. — Распорядись, чтобы послали за графом. Он мне понадобится. Да, и прикажи принести мне крепкий ларь — с замком и ключами.

Паллантид, отвесив еще один поклон, шагнул вперед.

— Ты куда? — брови Конана снова сдвинулись.

— Я отнесу тело сам, господин, — ответил Паллантид. Палач — немой, не проболтается, а лишние слухи нам ни к чему.

Конан озадаченно почесал в затылке.

— Похоже, я тебя недооценивал, — произнес он.

Паллантид лишь пожал плечами, затем, взвалив тело на плечо, покинул королевскую опочивальню. Конан пристально смотрел ему вслед.

— Киммериец, — позвала голова со стола, — ты недооцениваешь своих слуг, но переоцениваешь себя. Садись и слушай! А выслушав, немедля посыпай гонца за волшебником. Пелиас приедет, не беспокойся.

Глава 4. КОРОЛЕВСКИЙ СОВЕТ

Граф Просперо, полководец и правая рука правителя Аквилонии, нашел своего владыку в опочивальне королевы Зенобии.

Графа поднял с постели запыхавшийся нарочный, принесший в тарантийский дворец Просперо записку Паллантида, командира Черных Драконов, королевской гвардии. Король призывал графа к себе. Срочно.

Просперо, известный мудростью и опытом, не стал гадать, что заставило короля вытащить его ночью из постели. С таким владыкой как Конан, придворным и рыцарям спокойная жизнь не грозила — что, впрочем, устраивало графа гораздо более, чем дворцовые интриги; он был с Конаном с самого начала его правления и делил с ним все превратности судьбы. Итак, граф покинул ложе, спешно оделся и направился во дворец, где его встретил Паллантид. Брови Просперо полезли вверх, когда командир Черных Драконов сообщил ему последние новости. Граф рассеяно коснулся украшенной драгоценными камнями рукояти меча, когда Паллантид упомянул о чарах, поразивших Зенобию, нахмурился, но не сказал ни слова.

Дурманящий аромат благовоний ударил в ноздри графа, когда он вошел в покой королевы. Хоть Просперо и был подготовлен рассказом Паллантида, все же вид Зенобии, лежащий на украшенном ложе в богатом траурном платье, заставил его вздрогнуть. Вокруг ложа в курильницах дымились благовония; облаченные в цвета скорби девушки-прислужницы глазами, полными слез, смотрели на короля, замершего посреди зала.

Граф закашлялся, когда клуб дыма из курильниц попал ему в горло. Король обернулся.

— А-а, Просперо, — мрачно прогудел он, увидев графа.

Просперо с тревогой отметил, что король одет по-походному.

— Я поторопился, сказав о смерти Зенобии, — продолжал король, — а теперь ничего не могу поделать с этими глупышками. Им бы радоваться тому, что королева жива, а они только молятся, плачут да таращат глаза — со страху, что я совсем рехнулся. И кого только Зенобия себе выбрала... Я еще раз повторяю, — снова обратился он к девушкам, — траур убрать! Королева жива. Она спит. Ясно?

Одна из прислужниц испуганно закивала.

— Ну, слава богам, — король повернулся к Просперо. Пойдем, граф, нам есть о чем потолковать.

Тот на шаг отступил, пропуская Конана вперед. На пороге киммериец еще раз бросил через плечо девушкам:

— Траур убрать! Я зайду и проверю. Сам! — И, провожаемый напуганными взглядами, вышел.

Просперо последовал за ним.

Конан широкими шагами двинулся вперед. Граф пошел рядом.

— Паллантид рассказал мне многое, но, видно, не все, произнес он и спросил: — Что значит твой наряд, Конан? Надо готовить войско?

— Войско? — Из широкой груди у короля вырвался вздох. Нет, войска не надо.

— Почему?

Удивленный возглас Просперо вызвал у короля мимолетную гримасу.

— Я расскажу тебе остальное, — пообещал он. — И покажу нечто.

В знакомых покоях, увешанных оружием, где графу приходилось бывать частенько, он увидел кое-что новое на дубовом столе находился небольшой крепкий ларец, окованный бронзовыми полосами. Король снял с пояса ключ и отпер ларь.

— Взгляни, Просперо на этот кусок говорящего мяса, Конан откинулся крышку ларца.

Просперо осторожно заглянул внутрь, и перед его взором предстала отрубленная человеческая голова. Она смотрела на графа широко раскрытыми желтыми глазами; светлые волосы, обрамлявшие ее, были перемазаны сажей.

Голова шевельнула глазными яблоками и раскрыла рот.

— Я не знаю, кто ты, — сказала она, — но убеди короля дождаться Пелиаса здесь.

Просперо невольно отшатнулся.

Конан свирепо хлопнул крышкой ларца.

— Рассказывай, — потребовал граф.

Король опустился в кресло, скрипнувшее под его тяжестью. Граф остался стоять.

— Садись, — Конан махнул рукой, и Просперо опустился в кресло напротив.

— Это чудовище, — король ткнул пальцем в сторону ларца, — проникло во дворец через дымоход. Там по-прежнему висит его веревка. — Просперо оглянулся на камни. — Остальное ты знаешь со слов Паллантида.

— Так, — сказал граф. — Что дальше?

— Дальше! — Конан грохнул кулаком по столу. — Этот ублюдок своим заклятьем погрузил Зенобию в сон, колдовской сон, который распадется только тогда, когда он подохнет!

Просперо хранил молчание. Король немного успокоился.

— Ты видел голову, — хмуро произнес он, — тело же находится в темнице. Этот ублюдок, Зольдо, говорит, что не может умереть сам. Его отправят в преисподнюю лишь какой-то дьявольский талисман, а я единственный, кто может добраться до него, сохранив свою шкуру. Поэтому он желает, чтобы я принес этот треклятый талисман ему.

— И что же? — спросил Просперо, видя, как король вновь закипает.

— Вернее, не ему, а Пелиасу, — поправился Конан, — тот знает, что с ним делать.

— Значит, ты отправляешься к Пелиасу, — задумчиво проговорил граф.

Конан ответил утвердительным кивком.

— Да, я захвачу с собой в мешке эту башку. Если Пелиас подтвердит то, что она мне наговорила, мне придется выполнить ее условие. Проклятье! — выругался он.

Граф погрузился в молчание, обдумывая услышанное.

— На время моего отсутствия ты будешь регентом, добавил король.

Просперо рассеянно пошевелил пальцами.

— Почему голова просила меня убедить тебя остаться? поинтересовался он.

На лице короля появилось выражение крайнего неудовольствия и досады.

— Боится потеряться в пути, — раздраженно фыркнул он. Желает, чтобы я отправил к волшебнику гонца, уверяя, что тот не замедлит объявиться.

Просперо снова умолк.

Немногим более года назад король однажды покинул свое королевство, отправившись на поиски жены, которую похитили прямо из дворца. Во время пышного бала ее унесло в когтях жуткое чудовище, вызванное с Гор Ночи колдуном из далекого Кхитая, решившим уничтожить Конана. Тогда король в одиночку, в одежде простого наемника, отправился в путь. И сейчас снова в жизнь его ворвалась магия, опять коснувшись королевы.

— Может быть, стоит прислушаться к совету головы? задумчиво произнес Просперо. — С Пелиасом тебя связывают давние приятельские отношения... Помнишь, он же помог тебе, когда Зенобию утащило мерзкое исчадье Нергала, наусыканное черным кхитайским магом!

— О нет, Просперо, — возразил король. — Чтобы Пелиас покинул свое логово, свои книги, зелья и прочую колдовскую дребедень? Если такое и случится, то я не знаю, что может быть тому причиной, но только не моя Зенобия! Если что понадобиться ему самому, тогда еще можно ждать его появления, ну а в противном случае надо добираться до него.

— Понятно, — кивнул Просперо. — И все же я попытаюсь тебя убедить...

Конан прервал его взмахом руки.

— Друг мой, — сказал он, — я благодарю тебя, но ты меня не переспоришь. Я боюсь.

Чего-чего, а вот такого заявления граф никак не ожидал. Он с пораженным видом взорвался на короля. Синие глаза Конана прищурились.

— Я боюсь, Просперо, — король тяжело вздохнул. — Я знаю Пелиаса несколько лет, с тех пор, как впервые увидел его плененным в Алоей Цитадели. Он могущественный чародей, который зарылся в свои свитки и знать не хочет ничего кроме них — по крайней мере, так было раньше. Но иногда у них, у колдунов, что-то щелкает в голове, и тогда нам обычным людям, приходится несладко. Вспомни Ксалльтотуна, Просперо! Зачем его вызвали Валерий, Тарак и Амальрик? И что из этого вышло? А теперь ночью в моем дворце появляется невесть какая нечисть и вынуждает меня добывать чародейский талисман, и для кого? Для Пелиаса! Зачем? Что, если Пелиас решил перестать быть отшельником? А?

— Ну, тогда он обязательно должен откликнуться на твой зов.

Конан тяжело вздохнул.

— Эх, Просперо, мудрость твоя в тот раз тебя подвела. Неужто ты думаешь, что если у Пелиаса окончательно съехали мозги набекрень, я позволю ему появиться в столице моего королевства? Нет, я еще в своем уме! Я никогда особенно не жаловал колдунов и доверять им впредь тоже не собираюсь. Решено, я отправлюсь в Ханарию к нему сам и выведаю все, что смогу. — Конан замолчал на мгновение, лицо его помрачнело еще больше. — Зенобия попала в беду, и оставить это так просто я не могу. Но если произшедшее — дело рук Пелиаса, то пусть побережется — я никому не спускал подобных шуток со мной!

Граф понял, что разговор окончен. Он все-таки задал последний вопрос, хотя знал ответ на него заранее:

— И когда же ты намерен отправиться?

— Немедленно.

Король легко поднялся из кресла, и граф тоже поспешил встать. Конан уже потянулся за ларцом, когда в покой торопливым шагом вошел Паллантид.

— Государь, какой-то человек хочет пройти во дворец, — доложил командир Черных Драконов. — Он желает видеть ваше величество и уверяет, что вы знакомы. Стража напугана, потому что он — колдун. Его имя — Пелиас.

Глава 5. ВОЛШЕБНИК ПЕЛИАС

Седовласый, но стройный, как юноша, в длинных шелковых одеяниях и с деревянным посохом в узкой руке, чародей появился перед графом и королем. Упругим шагом он вошел в королевские покои и приветствовал Конана изящным почтительным жестом и словами:

— Друг мой, сколь рад я видеть тебя вновь! — Точеные черты волшебника озарила широкая улыбка. — Я думаю, ты удивлен: Пелиас покинул свои занятия и отправился в путешествие. Приношу свои извинения за то, что пришлось немного попугать стражу — уж очень недоверчивые у тебя солдаты, а мне, прости, ждать недосуг.

— Ты вовремя появился, Пелиас, — загремел Конан, прервал речь чародея. — Надеюсь, ты мне объяснишь, что все это значит! — Он грохнул кулаком по ларцу.

— Зная твой горячий нрав, именно за этим я и появился, ничуть не смущаясь, ответил волшебник. Между делом он поприветствовал, как старого знакомого, графа Просперо. Лучше прикажи принести вина и еды — в дороге я проголодался, да и в горле порядком пересохло.

— А, так значит, то ты мне его подослал? — Конан навис над Пелиасом, сверля чародея взглядом. Рядом с варварам волшебник казался тонким хрупким деревцем, выросшим по соседству с исполинским стволом дуба.

— И да, и нет, — ответил чародей и посмотрел в глаза киммерийцу. Веселость его пропала во мгновение ока; теперь лицо Пелиаса стало бесстрастным, а взгляд — жестким и решительным.

— Друг мой, поверь мне: твоей королеве ничего не грозит, если ты выполнишь то, о чем просит Зольдо, сказал он, устало опускаясь в кресло. Маг положил посох на колени и поинтересовался: — А, кстати, где он сам? Где Зольдо?

— Один кусок здесь, другой — в темнице. — Король стоял, уперев руки в бедра, и синие его глаза, сверкавшие из-под смоляных прядей, пылали бешенством. Он не мог смириться с предательством чародея; казалось, еще немного, и король набросится на него.

— Не горячись, Конан, смири свой гнев и выслушай меня, голос Пелиаса оставался спокойным, тон — дружеским. Однажды я говорил тебе, что судьбы — твоя и твоей королевы — тесно переплетены с судьбами мира. Ты тогда не принял моих слов во внимание. Твой гнев — результат этого. Если бы ты прислушался к моим речам, то воспринял бы происшедшее гораздо спокойнее.

— Хорошо, рассказывай, — проворчал киммериец. Он отступил на шаг и застыл, скрестив на груди руки.

Пелиас печально вздохнул:

— Может быть, ты прикажешь принести немного вина? Конан громко хлопнул в ладоши. Появившемуся слуге, который испугано косился на волшебника, он приказал:

— Вина и еды! На троих.

Пелиас омыл руки в поднесенной ему чаше с водой, вытер их полотенцем и с видимым удовольствием принял смахивать вино из кубка маленькими глотками. Утолив жажду, он подвинул блюдо поближе. Конан тоже принял за еду аппетит киммерийца ничто в жизни испортить не могло. Граф Просперо трапезовал не спеша, искоса поглядывая то на волшебника, то на короля.

Прожевав очередной кусок мяса, Конан буркнулся:

— Ну? говори!

Пелиас откинулся на спинку кресла, взял кубок и спросил:

— Зольдо успел тебе что-нибудь поведать?

— Немногое, хотя времени у него было предостаточно. В основном он убеждал меня послать за тобой гонцов.

— Но ты собирался приехать ко мне сам, прихватив и Зольдо с собой, — закончил вместо киммерийца Пелиас.

— Не всего, нет, не всего... Только голову этого ублюдка, — буркнул Конан.

Брови чародея поднялись на какой-то миг, затем он снова с бесстрастным выражением прильнул к чаше.

— Значит, о нем ты не ведаешь ничего?

— Кроме того, что он назвал себя бессмертным, — сказал Конан. — Да и какое это имеет значение?

— Можно попросить тебя об одном одолжении?

— Каком же?

— Верни Зольдо голову. Он больше не причинит вреда.

— Ну уж нет! — Конан стуком поставил кубок на стол. Если он бессмертный, то подождет и так! А я пока послушаю тебя и решу, стоит ли это делать вообще.

— Ладно, пусть будет так, — согласился Пелиас. — Но мой рассказ окажется не из коротких.

Он поудобнее устроился в кресле и, неспешно потягивая вино, заговорил:

— В незапамятные времена, когда мир еще только зарождался, боги, чьи имена уже забыты, бились с демонами. Во главе демонов стоял сам мрачный Сет, Великий Змей, Пожиратель Миров. Велики и ужасны были ты битвы, от них кипели океаны и рассыпались в прах горные хребты. Люди, которые жили тогда, исчезли почти все, только малая их горстка сохранилась и влачила жалкую жизнь; остальные же погибли в величайших катастрофах, сопровождающих сражения между богами и демонами. В решающем бою светлые боги поразили Сета и отсекли часть его ужасного тела. Она упала на землю. Демон не мог вернуть ее себе: раненый, он вынужден был спасаться бегством. Войско его, потерявшее главу, распалось; исчадья Сета передрались между собой. Боги воспользовались возникшей междуусобицей и изгнали их из своих владений. Сет же укрылся где-то во вселенной и залечил свою рану, но собрать новой войско из рассеянных демонов ему уже не удалось. А в нашем мире в глубинах океана так и осталась частицу его тела. Тысячи лет минуло с тех пор. Поднимались из морских волн новые континенты, людьми, опускались под воду. Леса заносило песками, и они превращались в пустыни, и, наоборот, на месте пустынь вырастали джунгли... Так шло время, и однажды та часть морского дна, где лежал отсеченный кусок тела Сета, поднялась на поверхность, явив миру Камень Мертвых — ибо плоть демона приняла вид камня. Люди вскорости разыскали его, а жрецы и святые поведали остальным о его происхождении. Вокруг него возвели святилище, ему приносили жертвы, пока страна, где его нашли, не обезлюдела. А Камень Мертвых так и лежит в заброшенном святилище.

Пелиас умолк для того, чтобы оросить пересохшее горло вином.

— Историю ты поведал занятную, — Конан протянул руку к кувшину, схватил его и осушил через горлышко. — Но скажи, для каких черных дел понадобился этот камень тебе?

— Мне?! — усомнился в искреннем изумлении волшебника было нельзя. Пелиас удивленно приоткрыл рот и несколько раз моргнул; затем внезапно расхохотался: — ах,

Конан, Конан, мой король... — сквозь смех проговорил он, а отсмеявшись, продолжил: — так вот в чем ты меня заподозрил, мой друг! Смею тебя заверить, что для меня этот талисман столь же бесполезен, сколь и опасен.

— Это почему же? — киммериец нахмурился.

— Просперо, прошу тебя, подлей мне вина, — обратился Пелиас к графу. Лицо его снова засияло улыбкой. — А я-то сижу и не совсем понимаю, в чем дело... Ну, да ладно! Друзья мои, ни один из магов-некромантов — даже из тех, кто принадлежит Черному Кругу — не решится взять Камень Мертвых в руки... даже близко подойти не осмелится! Да, в Камне Мертвых заключена великая сила — возможно, это самый могущественный талисман в нашем мире, потому что он частица демона, и не какого-нибудь, а Сета, владыки Вечной Ночи, Пожирателя Миров. Но камень сей — всего лишь часть, не обладающая разумом демона; она может только уничтожать и разрушать. Подумай, мой король, что прельщает человека, обратившегося к магическим силам? Власть! В первую очередь власть! Власть над силами природы, людьми или, на худой конец, предметами... Коли маг вступит во взаимодействие с Камнем Мертвых, то он будет уничтожен в первую очередь; а уж посредством его тела и магических способностей, что возрастут тысячекратно, Камень постарается уничтожить все в нашем мире и сам мир в придачу. С демоном еще как-то можно договориться, а это же просто камень, тупой и безмозглый. За все время, пока он лежал за земле, ни один маг — слышите, ни один! — не рискнул воспользоваться им. Проще вспороть самому себе живот... тогда и ходить-то никуда не надо! Ну, друзья мои, похож ли я на безумца, который решил отправиться в тартарары, да заодно и прихватить с собой весь мир?

Пелиас замолчал; Конан и Просперо переглянулись. Потом граф Понтайни первым нарушил молчание.

— Но, Пелиас, зачем же тебе Камень Мертвых, если он опасен в первую очередь для тебя самого? — спросил он.

Чародей вздохнул и покачал седой головой.

— Это уже другая история. Началась она давно, и мне придется рассказать ее вам, — Пелиас чуть прикрыл веки; на лбу волшебника залегла глубокая складка. — Однажды у меня в башне появился странный гость. Он поведал мне, что прислал его один из тех, кто в свое время обучался у меня магии. Звали пришельца Зольдо. Да будет вам известно, что у некромантов есть чары, с помощью которых можно вернуть к жизни мертвеца. Жизнь, конечно, назвать это нельзя, но душа возвращается с просторов Серых Равнин и вновь вселяется в тело. Многие колдуны, особенно приверженцы черной магии, создают себе подобных и делают из них слуг, которые полностью зависят от воли господина. Только смерть мага освобождает души этих несчастных из плена, позволяя им вернуться туда, откуда они были призваны злой волей. Зольдо тоже один из этих "живых мертвецов". Когда-то он был воином — и стал бы великим воином, если бы не погиб.

Чародей сделал паузу продолжил:

— Был у Зольдо единоутробный брат-близнец, молодой маг, чьи таланты и природная склонность к волшбе позволяли сделать большие успехи на поприще чародейства. Получив известие о смерти Зольдо, брат его отправился в путешествие и, вернувшись, привез с собой мертвое тело. Он совершил над ним надлежащие ритуалы и вернул Зольдо к видимости жизни. Но не желание обрести слугу, а слепая любовь к брату была тому причиной! Зольдо, однако, потребовал вернуть его на Серые Равнины. Брат отказался, хотя видел, что не принес

своему родичу ничего, кроме страданий. Желая как-то исправить свою ошибку, он совершил другой ритуал и великими по силе заклятиями связал душу Зольдо с его мертвым телом навечно: теперь даже его собственная гибель никак не могла повлиять на оживленного. Узнав о содеянном над ним, Зольдо сошел бы с ума, если б мог. Он бы убил брата, но создание чародея не может поднять руку на своего создателя. Маг же считал, что совершает благодеяние; он отпустил Зольдо на все четыре стороны, говоря, что наконец-то спокоен за него. Зольдо ушел, напоследок прокляв брата. Он решил сам найти способ вернуться на Серые Равнины, в царство мертвых, и поиски привели его ко мне. Чары, наложенные на Зольдо, оказались мне неизвестны, — увы, и я не знаю всего в этом мире! — но сила их такова, что разрушить действие заклинаний, к сожалению, может только Камень Мертвых. Об этом я ему и сказал.

— Я благодарен тебе, Пелиас, за интересные сказки, но нельзя ли поближе к делу? — раздраженно прервал Конан волшебника: разъяснения чародея утомили его.

Пелиас отставил прочь кубок и сжал посох тонкими пальцами.

— Тебе, Конан, надлежит освободить пленика и отправиться вместе с ним за талисманом. Зольдо будет тебе проводником, — сказал он.

— А не проще ли собрать армию и пощекотать мечом ребра его братцу, если уж на то пошло?

— Некому щекотать, Конан, его уже нет в живых! Век его оказался не столь долг, как он предполагал.

— Туда ему и дорога, — злорадно сказал король. — Собрать бы вас, колдунов, всех вместе и отправить вслед за ним!

Волшебник пропустил эту реплику мимо ушей.

Конан, не сдерживая ярости, вскочил с кресла и отшвырнул его пинком в сторону.

— Я не верю тебе! — рявкнул он. — По твоим словам выходит, что ты это все затеял... ты! И лишь для того, чтобы этот ходячий кусок мертвчины мог спокойно сгинуть в могиле! Скажи-ка, откуда твой труп знает заклинания, если он простой воин? Уж не ты ли обучил его колдовству? Для чего? Для того, чтобы отправить меня добывать очередную дьявольскую игрушку, которыми вы, колдуны, любите себя тешить на беду всем нормальным людям — ведь добыть ее могу только я! Ты сам это ему сказал. Я жду от тебя, Пелиас, ответа.

Волшебник поднял руку, призывая короля к спокойствию.

— Но, Конан, я ведь еще ничего толком не объяснил, произнес он примиряющим тоном.

— А ты думаешь, я буду ждать еще месяц, пока ты доберешься до конца? Только нашей былой дружбе ты обязан тем, что я выслушиваю твои бредни!

Лицо Пелиаса помрачнело, плечи его сгорбились.

— Хорошо, — кивнул чародей, — я буду краток. Тебя, король, в отличие от меня, никогда не волновали судьбы мира, но я скажу тебе... Если тот, кто пробрался в твой дворец ночью, войдет в святилище и коснется Камня Мертвых, то нам всем небо покажется с овчинку... Вот так! Я же хочу повернуть колесо судьбы и пустить его другой колеей. И это выполнишь ты, Конан, ибо больше некому.

Лик короля стал чернее тучи; он сжал рукоять меча. Пелиас видел это, но у волшебника не дрогнула ни одна жилка. Он продолжал говорить спокойно и холодно:

— Пусть тебе послужит утешением то, что в противном случае твоей королеве суждена ранняя смерть. Считай, что я таким образом спасаю ей жизнь.

— Горазды вы, колдуны, жар чужими руками загребать, — в голосе киммерийца,

казалось, не осталось ничего человеческого; лишь неутолимая звериная жажда крови звучала в нем. Граф Просперо вздрогнул; ни разу до сих пор он не видел своего короля таким. — Хорошо, я поеду! Ты не оставляешь мне выхода.

— Освободи пленника. Он отправится с тобой.

— Ну нет, колдун, — протянул киммериец, — проводником со мной поедет одна голова. Этого хватит.

— Конан! — Голос чародея загремел, заполняя собой покой. — Освободи его, или это сделаю я!

— Даже так? — удивился киммериец. Пелиас молчал. Значит, ты мне еще не все сказал, колдун.

— Я тебе многоного не сказал. Ты знаешь только то, что тебе нужно знать.

Конан задумался. Просперо сидел, затаив дыхание. Казалось, разговор с волшебником принимает не совсем приятный оборот.

— Я могу остаться во дворце заложником, — вдруг произнес Пелиас. — Можешь даже заточить меня в темнице. Даю слово, что не попытаюсь бежать.

Конан криво усмехнулся:

— Убирайся назад в свое логово, и чтобы ноги твоей здесь не было! Я освобожу его, твоя взяла! Он поедет со мной, а твоего смрадного духа во дворце мне не нужно. Я дам тебе знать, когда мы вернемся... И если слова твои лживы, то берегись, маг!

Глава 6. НАЧАЛО ПУТИ

В сопровождении Просперо и Пелиаса король спустился в темницу, где, опутанное сетью и цепями, лежало тело Зольдо. Палац, немой и горбатый, страшный, как само это подземелье, снял цепи и, повинувясь взмаху королевской руки, прихрамывая, удалился. Конан поставил на сырой пол ларец, который принес с собой, затем склонился над телом и несколькими взмахами ножа освободил его от оставшихся пут.

Обезглавленное тело, почувствовав свободу, сразу пришло в движение, поднялось на ноги и уверенным шагом направилось к ларцу; обрывки сетей свисали с его плеч и волочились по полу. Шумный вздох прорезал тишину, царившую в темнице. Граф Просперо, с побледневшим лицом, расширившимися глазами следил за действиями мертвеца. Взгляд графа был прикован к обрубку шеи, где на ровной поверхности среза белела кость, и круглым провалом виднелось отверстие перерубленного горла.

Тело приблизилось к ларцу и опустилось перед ним на корточки. Действия обезглавленного трупа были четкими и осмысленными, как будто голова, лежащая в ларце на расстоянии управляла им. Руки уверенным движением подняли крышку ларца и извлекли из него голову, затем приставили ее к шее; бледный, еле заметный сполох пробежал в том месте, где отточенная сталь рассекла мертвую плоть.

Зольдо опустил руки и сделал несколько вращательных движений головой.

— Наконец-то, — сказал бессмертный и принял ся сбрасывать с себя остатки сети.

Киммериец резко повернулся и, не сказав ни слова, покинул подземелье, оставив чародея и графа в растерянности.

— Следуй за нами, — повелел Пелиас бессмертному. Желтые глаза Зольдо остановились на Просперо, изучая его; графу стало неуютно под пристальным взглядом того, кого первый и бесстрашный из полководцев Аквилонии справедливо считал чудовищем.

— Пойдем, Просперо.

Волшебник коснулся плеча графа, и Просперо еле сдержался, чтобы не отпрянуть. Но внутренний порыв полководца ничего не могло скрыть от Пелиаса. Лицо чародея стало печальным.

— Ах, Просперо, Просперо... — грустно обронил он.

Они поднимались по крутой узкой лестнице. Граф шел впереди, освещая дорогу; за ним, поступивая посохом по каменным ступеням, поднимался Пелиас. Зольдо шел третьим, чему граф был нескованно рад; меньше всего на свете ему бы хотелось, чтоб за его спиной вышагивало исчадье с Серых Равнин, приводившее его в дрожь. Просперо никогда не был трусом; своей отвагой полководец заслужил уважение солдат, которыми командовал в десятках сражений. Конечно, не только храбрость сопутствовала его славе среди друзей и недругов, но и она была не последним его достоинством. Однако колдовство внушало страх Просперо, как и любому другому человеку, столкнувшемуся с ним. За время своей службы королю Просперо приходилось уже встречаться с магией, но так близко и зrimо это происходило впервые.

Граф шел, сжимая роняющий капли смолы факел, и мучительные раздумья переполняли его. В свое время, когда король в одиночку отправился в дебри Кхитая, Просперо частенько наведывался к Пелиасу, который с помощью магии старался следить за киммерийцем и передавал графу новости о странствующем короле. Жизнерадостный и насмешливый,

чародей пришелся по нраву Просперо. А теперь Пелиас предстал ему в совершенно иной стороны.

Когда узкая лестница окончилась, граф Понтайни решился. Замедлив шаг, он поравнялся с магом.

Волшебник предугадал его желание.

— Я слушаю тебя, граф Просперо, — произнес он.

Полководец замялся, подбирая нужные слова.

— Пелиас, я вполне могу поверить твоим речам о грозящих нам бедствиях, заключенных в... — Просперо незаметно кинулся головой в сторону Зольдо. — Я доверяю тебе, сам не знаю почему... Но что заставило тебя поступить именно таким образом? Наша бедная королева... Неужели не было другого выхода?

По губам волшебника пробежала невеселая улыбка.

— Друг мой, — сказал Пелиас, — я надеюсь, что ты позволишь мне называть тебя так? — Просперо кивнул. Когда на чашу весов положено так много, то приходит время нелегких решений. Если ты обеспокоен тем, что между мной и королем пробежала черная кошка, то тут уж пока ничего не поделаешь. Лишь время исправит это, расставив все по своим местам.

— Но ведь ты мог приехать и рассказать обо всем Конану, не впутывая в это дело королеву Зенобию?

Волшебник вздохнул.

— Дорогой Просперо, неужели ты так плохо знаешь своего короля? Да, я бы мог приехать и все рассказать ему... Возможно, он бы согласился, а возможно, и нет. А вот его «нет» — этого мне допустить никак нельзя. Мне необходимо было вынудить его ехать, чего бы это ни стоило! Поверь, я бы мог вообще остаться в тени — Зольдо вынудил бы его ехать, а я — я вышел бы на сцену лишь в последний момент. Но, памятую о нашей дружбе, я решил не прятаться.

— Он никогда не простит тебе того, что ты сделал.

— О, нет! Конан был и остался в душе тем, кто он есть. Поверь, он возможно даже и рад, что вновь отправится в путь, как в старые добрые времена. Он гневается на меня за то, что я вынуждаю его "не в привычках Конана действовать помимо своей воли. Однако предстоящее странствие делает его счастливым.

— Но ты противоречишь самому себе! — Тень недоверия легла на лицо полководца.

— Это только кажется, потому что мне ведомо больше, нежели я вам сказал.

— Почему же тогда ты таишься? Это вредит тебе самому.

Пелиас улыбнулся:

— Друг мой, неведение — самый лучший путь для тех, кто не связан с магией.

— Возможно. Но почему король должен ехать один, сопровождаемый лишь мерзким монстром? Почему, Пелиас? Небольшой отряд верных рыцарей готов сопровождать его хоть на край света...

— Конечно, друг мой! И ты, естественно, будешь во главе отряда?

Волшебник легко угадал невысказанные мысли графа.

Переложив свой посох в правую руку, он левой коснулся плеча Просперо.

— Он должен ехать один. Один, понимаешь? И с этим ничего не поделаешь.

— Ты еще здесь? — прорычал Конан, завидев Пелиас. Тебе, по-моему, лучше убраться отсюда — да побыстрее!

Командир Черных Драконов невольно положил ладонь на меч, когда разглядел за спиной волшебника фигуру ночного гостя, доставившего ему столько неприятностей. Тот никак не отреагировал на жест Паллантида, будто никогда и не встречал его.

Чародей развел руками.

— Я прошу извинения, мой король. Я задержался лишь потому, что хочу попросить тебя выполнить мою просьбу.

— Просьбу? — Киммериец хлопнул себя по бедрам. Просперо, ты только послушай его! Колдун, ты связал меня по рукам и ногам, а теперь всего лишь просишь? Так что тебе надо?

— Я прошу тебя отложить отправление до ночи. Я помогу тебе сократить дорогу.

— Нет!

— Но, друг мой...

— Я тебе не друг!

Пелиас внезапно сник; плечи волшебника сгорбились, он отвесил королю глубокий поклон, повернулся и пошел прочь.

Конан просверлил взглядом спину чародея и обратился к бессметному:

— У тебя нет оружия, можешь выбрать его сам. Кони готовы. Когда соберешься, дай знать. И не мешкай! Паллантид тебе поможет.

Зольдо не проронил ни слова, а только выжидающе уставился на Паллантида. Командир гвардии холодно кивнул ему, приглашая следовать за собой, и они удалились.

— Конан, к чему такая поспешность — ведь ты даже не знаешь, куда отправиться, — вырвалось у графа Понтайнии.

— Какая разница, Просперо... хоть в саму преисподнюю! — Конан с досадой передернул могучими плечами. — Я буду у Зенобии. Пошли за мной, когда все будет готово.

— Хорошо. Только...

— Что еще?

— Мне не дает покоя Пелиас...

— Я не желаю слышать этого имени! — резко оборвал графа Конан. — Не произноси его при мне!

Полководец умолк и только сокрушенно покачал головой. Он смотрел вслед королю, и мысли его были печальны.

В покоях королевы киммериец обнаружил Пелиаса. Траурное убранство, равно как и погребальные одежды, вместе с курильницами, исчезло. На ложе королевы опустился полог из кисеи, за которым, посередине широкой кровати, лежала она в повседневном наряде, с легкой короной поверх густых темных прядей.

Волшебник сидел в мягким кресле у ложа Зенобии, уперев подбородок в кулаки, и смотрел на спящую. У изголовья ложа на низком пуфе пристроилась одна из прислужниц — киммериец не помнил ее имени — и тихонько перебирала струны лютни, которую держала на коленях.

— Так... — процедил сквозь зубы Конан. — Что это значит?

Звуки лютни затихли. Девушка, подхватив инструмент под мышку, соскользнула с пуфа и исчезла за драпировкой, найдя укрытие от гнева короля в соседнем помещении.

— Какого дьявола тебе здесь надо? — продолжал Конан. Он направился к волшебнику, намереваясь вышвырнуть того вон собственоручно. — Ты что — ищешь собственной смерти, колдун?

Пелиас оторвался от созерцания спящей и повернул лицо к королю.

— Конан, ради нашей прежней дружбы выслушай меня, сказал он.

Киммериец остановился. Голос Пелиаса был полон искреннего сожаления.

— Ну, говори, — произнес король.

Маг, хрустнув гибкими пальцами, удрученно вздохнул.

— Я не мог поступить иначе, руг мой. Я боялся. Боялся того, что добровольно ты не пойдешь за Камнем Мертвых.

— Так вам, магам, тоже знаком страх? — спросил с насмешкой киммериец.

— Да, Конан, когда дело касается таких вещей, как судьбы мира, — подтвердил Пелиас.

Конан подошел к ложу королевы и откинул полог в сторону.

— Мне нелегко простить тебя, — сказал он, указывая на Зенобию. — Я бы понял это, будь ты моим врагом, но таковым я тебя не считал. Ты ударил мне в спину.

— Я объяснил, почему это сделал. Я боялся, что ты не пойдешь добровольно.

— Вот в это могу поверить, — согласился Конан. — Ладно, Пелиас, считаться будем после моего возвращения. Где хоть находится твое святилище?

— На юге, в джунглях за Черными Королевствами. Где-то за рекой Зархебой.

Конан нахмурился.

— Далековато.

Пелиас согласно кивнул.

— Поэтому я и хочу предложить способ сократить дорогу.

— Как?

— Я вызову двух созданий — из тех, что подвластны мне. На своих крыльях они донесут тебя и Зольдо либо до побережья Аргоса или Шема, либо в глубь Стигии. Дальше они не смогут. Там вы купите лошадей или места на корабле.

— А такое исчадье, чтобы донесло до самого храма, ты вызвать не сможешь?

— Это сложно и опасно, Конан, да и время ныне не подходящее.

— Хорошо. Тогда пусть доставят нас на побережье. Пойдем морем, а то в Стигии чужестранцев не жалуют.

Конан отвернулся от волшебника. По-прежнему сжимая кисею в сильных пальцах, он смотрел на лежащую перед ним супругу.

— Пелиас, — тихо сказал киммериец, не поворачиваясь, иди и вызывай своих тварей. И оставь меня одного. Сейчас.

* * *

Сумерки опустились на Тарантию, великую аквилонскую столицу. Тени удлинились, воздух стал прохладным, а солнце приобрело красноватый оттенок.

Конан придиричivo оглядел снаряжение своего спутника. Оружие и доспехи, выбранные Зольдо, доказывали, что в воинском деле он действительно не новичок. Бессмертный выбрал

прочную, но не тяжелую кольчугу, крепкий боевой браслет и небольшой круглый шлем, который при надобности можно было укрыть под головным убором. Прямой меч и длинный кинжал составляли его вооружение. Помимо кинжала из-за пояса торчали рукояти двух стилетов. Он также сменил одежду, в которой появился, на другую, более богатую и изукрашенную шитьем — Просперо предложил, чтобы Зольдо представился в роли путешествующего аквилонского дворянина из мелкопоместных. Королю в этом случае выпадала роль слуги. Сам Конан в ответ на это только пожал плечами.

Пелиас стоял посреди обширного дворцового двора, возведя очи горе; губы волшебника шевелились — он неслышно читал заклинание. Когда в зените появились две едва заметные точки, он удовлетворенно облизнул губы и кивнул. Удивленные крики стражей на стенах заставили всех поднять головы; две точки стремительно росли, превращаясь в двух огромных крылатых существ. Конан спешно подошел к чаюдею и тронул того за рукав. Пелиас обернулся.

Король взглядом показал ему на бессмертного.

— Ты так настойчиво отправлял его со мной, — тихо проговорил он. — Мне ведь придется снести ему голову еще раз, верно? Только там, в святилище? и уже навсегда?

Пелиас мигнул, но ничего не ответил.

Два гигантских нетопыря, свистя перепончатыми крыльями, опускались на мощенный камнями двор. Чудовища с шумом приземлились; от взмахов крыльев поднялся ветер, в котором затрепетали плащи и волосы людей. Монстры царапали когтями камень и недовольно скрежетали; в глазах их горел красный огонь.

Киммериец взобрался на шею летающей твари. Та негодующе рыкнула, протяжно и гнусаво; заклятье колдуна не давало ей сбросить седока и разорвать его на части.

Бессмертный Зольдо оседлал свое чудовище.

— Ну, Пелиас, мы готовы! — крикнул Конан.

Маг гортанно и хрипло произнес несколько непонятных слов.

Монстры взмахнули крыльями, поднялись вверх и быстро растаяли в темном вечернем небе.

Глава 7. ДОРОГА К МОРЮ

Гигантский нетопырь мерно и неторопливо махал крыльями. Под ним, далеко внизу, проплывали ласа и горы, города с крепостными стенами, укрепленные замки и беззащитные деревни. Обжитые людьми места чередовались с опустевшими и даже такими, где еще не ступала нога человека. Серебристыми лентами сверкали реки, темными нитями тянулись дороги, протоптаные бесчисленными караванами. Уже светало, и первые солнечные лучи обагрили верхушки гор.

Конан проснулся, открыл глаза и зевнул. Киммерийцу, опытному всаднику, не составляло труда подремать в седле; теперь он воспользовался этим своим умением и выспался на шее монстра, чтобы не терять время зря. Второе чудовище летело чуть впереди. Когда оно опускало широкие кожистые перепонки, на шее нетопыря становилась видимой фигурка оседлавшего его Зольдо.

— Эй! — крикнул киммериец.

Всадник на чудовище остался недвижным.

— Гнилое мясо! — в сердцах выругался Конан и заорал снова: — Зольдо!

Бессмертный оглянулся и махнул рукой, показывая, что у него все в порядке.

Сколько еще должны были пролететь твари — перед тем, как опуститься на землю — Конан не знал. От нечего делать он принялся рассматривать проплывавшую под ним местность. Солнце уже поднялось над верхушками гор и неудержимо продолжало свой бег по небосводу. Далеко впереди, на нитке торгового тракта, появилось крохотное облачко; оно тянулось за крупным караваном, что вез товар к шемскому побережью. Конан видел с высоты линию берега, за которой начиналась слепящая гладь моря.

Но киммерийца больше заинтересовал караван, который они быстро нагоняли.

— Зольдо! — позвал он бессмертного. Тот обернулся.

Конан указал ему на облако пыли внизу, впереди которого уже можно было разглядеть маленькие фигурки верблюдов и выочных лошадей.

Бессмертный кивнул, показывая, что видит караван.

— Там мы возьмем верховых лошадей.

— Нет, — ответил Зольдо и ткнул большим пальцем руки под себя. — Эти твари никак не хотят опускаться.

— Проклятье! — выругался киммериец. — А где они должны сесть на землю?

— Не знаю.

— Кром! Пошли чуму на головы этих колдунов, пробормотал Конан.

Но он решил-таки заставить монстра опуститься.

— Вниз! — рявкнул он, слегка хлопнув нетопыря по затылку.

Чудище не обратило никакого внимания на шлепок и продолжало мерно взмахивать крыльями. Конан осторожно сдавил ногами толстую шею монстра. Никакой реакции снова не последовало. Конан усилил нажим; в ответ нетопырь издал отвратительный вопль и завертел головой так, что киммериец чуть было не свалился. Только грубая шерсть на шее монстра, за которую он цеплялся, помогла удержаться.

— А-а, мерзость! — Кулак Конана опустился между торчащих ушей твари.

Нетопырь взревел с подыванием, завалился на крыло и косо пошел вниз к земле. Киммериец вцепился в шерсть на его загривке, проклиная свою неосторожность; он и не

думал оглушить зверя, но, по-видимому, на темени монстра была какая-то уязвимая точка. Судорожно взмахивая кожистыми перепонками, тварь неуклонно падала вниз, словно подбитая птица. Второй монстр, заметив пропажу собрата, разразился призывными воплями, от которых кровь стыла в жилах. Он беспокойно закружил в воздухе и, обнаружив падающего нетопыря, сложил крылья и ринулся за ним.

* * *

Караванщик Шалим Арих мерно покачивался в седле в такт шагам иноходца. Товары, которые он вез на побережье, сулили немалую выгоду; некоторые из них будут прямо распроданы в Асгалуне, другие уйдет за море — и там, а морскими просторами, цена их возрастет вдвое. Эта мысль приносila Шалиму Ариху боль, что могла сравняться лишь с зубной. Но что делать — караванщик не выносил моря! Как только он поднимался на палубу корабля, ему становилось так плохо, что он чувствовал себя грешником, обреченным на вечные муки в чреве Нергала. Конечно, можно было бы нанять человека, чтобы тот отправился вместо Шалима Ариха с товарами на корабле. Но этот человек может обокрасть хозяина — это во-первых. Во-вторых, на море пираты; в-третьих — бури, из-за которых корабли идут на дно со всем товаром... Слишком много риска! На суше всегда было спокойнее и за товар, и за собственную жизнь. От непогоды укрытие не найдет только дурак, а слуги и помощники всегда под присмотром... Есть еще правда, разбойники, но умный человек — каким Шалим Арих, естественно, считал себя — не пожалеет денег на крепкую охрану. И деньги оккупятся, и на душе спокойней.

Шалим Арих в очередной раз изъял занозу из своего сердца. Она появлялась всякий раз, когда он шел с товаром к морю. Просветленный своими мудрыми мыслями, он принялся подсчитывать прибыль. Этого занятия хватит на весь день, а затем можно начать заново — это как игра, которая никогда не прискучит. Он также порадовался тому, что покинул презренный городишко, лежащий на пути, раньше своих собратьев по ремеслу. Эта мелочь, которая осмеливается называть себя торговцами, не способна даже собрать количество товара, приличествующее настоящему купцу! То ли дело его караван: там есть...

Дикие, леденящие душу вопли, раздавшиеся невесть откуда, прервали приятные мысли Шалима Ариха. Он встрепенулся в седле, огляделся; иноходец под ним замедлил шаг, прижал уши и испуганно захрапел. Местность вокруг дороги представляла собой пологую равнину с редкими низкими холмами и обильными зарослями колючего кустарника. В таких колючках если кто и мог прятаться, то лишь черепахи, покрытые панцирем. Чего так испугался конь? Словно в ответ на немой вопрос караванщика, протяжные вопли раздались снова, но в этот раз громче и ближе. Он уже понял что они доносятся сверху, но увидеть того, кто их издавал, не мог, потому что конь под ним буквально взбесился, как и остальные животные в караване. Верблюды взревели и понесли, сбивая людей с ног и давя их; с лошадьми происходило то же самое. Воины охраны тщетно пытались удержаться верхом; один за другим они летели с взбесившихся лошадей на дорогу. Кони же ломились вместе с верблюдами и тюками сквозь колючие кусты и в неистовом галопе разбегались по долине. Всадники, которым повезло остаться в седлах, носились лошадьми, бессильные что-либо сделать. Но и люди вскоре поступили точно так же; с криками ужаса они устремились вслед за животными, прочь от дороги. Шалим Арих сразу получил ответы на все свои вопросы, когда иноходец выбросил

его из седла. От сильного удара о землю у караванщика потемнело в глазах. Но лучше бы эта тьма никогда не рассеивалась — вот что пришло ему в голову, когда пелена перед глазами спала.

Два ужасных чудовища, два порождения тьмы спускались на дорогу, где только что мирно шел его караван. Глаза их горели красным огнем, широкие кожистые крылья плескали в воздухе, пасти были угрожающе раскрыты. Шалим Арих мог бы заметить, что одно из чудовищ опускается неровно, как будто бы оно ранено, но караванщику было не до того. С истошным звериным воем он вскочил на четвереньки и пополз с дороги. Он лез в кусты, не замечая усеявших ветви длинных колючек; потом закрыл глаза, истово молясь, чтобы страшные чудища его не нашли. По синим шароварам Шалима Ариха, оскверняя дорогую ткань, расползлось мокрое пятно.

* * *

Нетопырь неуклюже упал на лапы и ткнулся носом в сухую почву; Конан, слетев в шеи монстра, перекувыркнулся на земле и вскочил на ноги. Вторая тварь приземлилась следом, и Зольдо, спрыгнув с нее, подбежал к Конану. Чудовище, переваливаясь с лапы на лапу, заковыляло к раненому собрату: его перепончатые крылья волочились по земле, вздымая маленькие клубы пыли. Приблизившись, нетопырь обнюхал приятеля; красные глаза его тревожно горели.

— Что ты с ним сделал? — спросил бессмертный.

— Я? — Конан озадаченно посмотрел на свой кулак. Стукнул разок по темени.

Он повертел головой по сторонам.

— Ладно, пусть Пелиас разбирается со своими тварями сам. Пошли! Вон в тех кустах запуталось несколько лошадей — это то, что нам надо.

Они подобрались к животным. Уздечки их намотались на колючие ветви, и лошади уже не делали попыток освободиться; ноги их мелко дрожали, а глаза с ужасом косились туда, где толкались на дороге нетопыри. Коней было четверо, и три из них — оседланы. Конан приметил гнедого жеребца с высоким седлом.

— Возьмешь его себе — он подходит к твоему наряду, сказал он бессмертному, — а мне сойдет и та кобылка.

Зольдо не ответил, и Конан обернулся к нему. Бессмертный, прищурившись, вглядывался в нетопырей.

— Кажется, он пришел в себя после твоего удара, сказал он.

— Тем лучше! Меньше мороки будет с лошадьми, — буркнул киммериец.

Зольдо оказался прав. Нетопыри перекинулись заунывными воплями и разом прыгнули вверх. Лошади испуганно заржали и забились в кустах.

Конан, успокаивая гнедого, похлопал его по шее.

* * *

Шалим Арих несколько раз приподнимал веки, чтобы получились маленькие щелочки, и опять в страх сжимал и, увидев, что монстры по-прежнему на месте. Он вжался в колючие

ветви поглубже, когда чудовища огласили окрестности ужасными воплями. Но с ним не произошло ничего плохого: никто не вытаскивал его из кустов и не пытался сожрать. Отважившись, караванщик приоткрыл глаза еще раз — и вознес хвалу Богине-Матери Иштар: чудища исчезли. Раскрыв глаза во всю ширь, Шалим Арих увидел высоко в нее две крохотные точки и возблагодарил богиню еще раз — за собственное спасение. Затем он выполз из кустов и возблагодарил богиню в третий раз, когда увидел двух человек, по виду воинов, возвившихся лошадьми. Среди них был и его гнедой иноходец.

Караванщик поспешил к незнакомцам. Один из них — тот, что держал иноходца под уздцы, — выглядел знатным человеком; второй, видимо, слуга, направлялся к господину, ведя за собой двух чалых кобыл. Они заметили приближавшегося караванщика, но не обратили на него внимания.

Шалим Арих подошел и заговорил:

— Хвала Богине Матери за ваше появление здесь...

Закончить ему не удалось.

Синеглазый слуга с испещренным шрамами лицом тряхнул копной смоляных волос и вскочил в седло одной из кобыл. Поводья свободной лошади он привязал к седлу.

Шалим Арих почувствовал нехорошее, когда желтые глаза господина без всякого интереса скользнули по его лицу.

Желтоглазый одним махом взлетел в седло иноходца.

— Это мой конь! — отчаянно закричал караванщик и повис на поводьях гнедого, вцепившись в них мертввой хваткой.

Слуга подъехал на крик.

— Откуда этот? — спросил он у своего спутника.

— Выполз из кустов, — пожал плечами желтоглазый.

Шалим Арих понял, что ошибся, определяя господина. И, когда он заглянул в синие глаза второго, то пожалел, что вообще родился на свет.

— Прочь, — коротко и властно сказал синеглазый.

Руки караванщика раздались сами собой; уткнувшись носом в дорожную пыль, он не поднимал головы, пока стук копыт не затих вдалеке.

Тогда Шалим Арих медленно поднялся и осмотрелся. От целого каравана осталась одна выючная лошадь, которая неподалеку от дороги пощипывала траву — и все. Караванщик замер, не понимая, почему вокруг все качается и плывет так, как будто он стоит на палубе корабля. Он никак не мог вспомнить, где видел это лицо — лицо синеглазого слуги. Потом ноги Шалима Ариха подкосились, и он в беспамятстве рухнул на дорогу.

Глава 8. АСГАЛУН

Конан, как и положено слуге, расседлевал лошадей в небольшой конюшне, что примыкала к гостинице. Этот постоянный двор был не из самых больших и богатых в Асгалуне, но путники не желали привлекать к себе излишнего внимания; мелкопоместному дворянину из северных краев не пристало бросаться деньгами.

Внезапно чья-то фигура заслонила свет в дверном проеме, и киммериец на секунду оторвался от своего занятия, посмотрев поверх спины гнедого, кого еще принесла нелегкая. Похоже, к нему приближался хозяин гостиницы. Был он тощим, как жердь, и одежда на нем болталась и висела невообразимыми складками; создавалось впечатление, что ему необходимо сделать несколько шагов внутри своей одежды, прежде ем этот балахон сдвинется с места. Другой достопримечательностью его являлся громадный нос, типично шемитский, украшавший довольно невыразительную физиономию. Кончик носа крючком нависал над верхней губой и заметно шевелился, когда его владелец вступал в разговор. И немудрено, что сей почтенный муж прозвывался соседями не иначе, как Скелет с Носом, хотя предпочитал отзываться на более благозвучное имя Фард.

Он подошел поближе и остановился; потом пошевелил кончиком носа, словно принюхиваясь, и раскрыл рот.

— Эй, чужестранец!

Конан снял с иноходца седло и повесил его на крюк, вбитый в стену конюшни, едва удостоив Скелета взглядом. Но тому, видать, было все равно, и нелюбезный прием совсем не охладил его.

— Скажи мне, чужестранец, чем твой господин смог так улестить купца Шалима, что он продал ему своего любимого иноходца?

Конан насторожился, сразу вспомнив нелепую фигуру в мокрых шароварах на дороге.

— Что? — переспросил он, как бы не расслышав.

— Этот гнедой, — Скелет похлопал коня по крупу.

— Что гнедой?

Скелет никогда не отличался особой храбростью; от грозного взгляда, брошенного киммерийцем, его прошибло потом. Фард затряс нижней челюстью и пустился в путаные объяснения.

— Видишь ли, почтенный, караванщик Шалим Арих всегда останавливается у меня в гостинице. Этот иноходец... Он купил коня год назад... Божился, что никогда не продаст... Вот я и удивился. И еще с седлом...

Конан внимательно выслушал сбивчивую речь хозяина, уже зная, что скажет в ответ.

— Я удовлетворю твоё любопытство, — произнес он, Достойный караванщик одолжил этих коней моему господину, эти слова дались киммерийцу с немалым трудом, тем не менее он продолжил: — Он также попросил оставить лошадей у тебя до своего прибытия в Асгалун.

Тут Конан извлек из кошелька золотую монету и подкинул ее в воздух. Золото притянуло взгляд Скелета, как магнит. Конан поймал монету и положил желтый кружок на толстый брус, разделяющий стойла.

— Присмотри за лошадьми до прибытия купца в город. Договорились?

Вид золотой монеты и прикосновение к ней примирили Скелета с грубостью

северянина и развеяли его любопытство. Подхватив с бруса монету, хозяин молча удалился

Конан подождал, пока его долговязая фигура не исчезнет из поля рения, а затем направился к выходу из конюшни. На пороге он столкнулся с Зольдо.

— Куда ты пропал? — спросил бессмертный.

— Идем в порт. И поищем другую гостиницу.

— Что так?

Киммериец шагнул через порог, увлекая Зольдо за собой.

Они покинули постоянный двор Фарда и двинулись по шумным улицам Асгалуна к гавани.

— Купец, караван которого разбежался, ехал сюда. Эта страхолюдина, хозяин гостиницы, узнал гнедого иноходца, принадлежащего караванщику, — сказал Конан.

Зольдо прищелкнул языком.

— Тогда нам следует убраться отсюда поскорее.

Киммериец пробурчал в ответ что-то неразборчивое.

— Эй, парни! — позвал низкий женский голос.

Путники непроизвольно оглянулись. Голос раздался совсем близко. Они шли по узенькой уличке, с обеих сторон которой впритык друг к другу ютились дома. Прямо напротив них в открытой низенькой двери стояла женщина в синем платье, выставив обнаженную до бедра ногу в длинный разрез на платье.

— Не хотите поразвлечься, парни? — томно протянула она.

— Попозже, красавица, — сказал Конан. — Подскажи-ка лучше, как добраться в порт по вашим крысиным уличкам.

Густо намазанные брови поднялись на лбу, оштукатуренном чудовищным слоем белил. Шлюха недовольно скривила рот, подведенный ярко-красной помадой.

— Получишь монету. Серебряную! — пообещал киммериец.

Она передернула плечами.

— Если я пошлю сестру показать вам дорогу, дашь ей два кругляша? — спросила она, облизнув языком губы.

— Ладно, — согласился Конан.

Шлюха отлепилась от дверного косяка и крикнула внутрь дома:

— Гайдэ!

На зов прибежала девчушка лет десяти. Женщина показала ей на путников.

— Отведешь их в гавань.

Девочка кивнула и, подбежав к Конану, сказала:

— Пойдемте.

— Эй! — крикнула шлюха.

Конан и Зольдо остановились.

— Я передумала, — сказала она. — Две монеты сейчас.

Зольдо раскрыл кошелек, серебро полетело шлюхе в лицо. Она ловко подхватила деньги и помахала сжатым кулаком.

— До свидания, парни. Жду вас попозже.

Гайдэ уверенно вела их по кривым городским уличкам. Эта смуглая девчушка оказалась на удивление молчаливой; она вприпрыжку бежала впереди, часто оборачиваясь и посверкивая темными глазенками.

Киммериец шагал за девочкой, погруженный в свои мысли. Когда из подворотни

вылетел лопоухий пес размером с годовалого теленка и наскочил на Зольдо, идущего рядом, он не сразу сообразил в чем дело. Собака, грозно рыча, явно намеревалась вцепиться в ногу прохожего, но, добежав, вдруг замерла на месте, словно наткнувшись на невидимую стену; шерсть на ее загривке встала дыбом, потом пес припал на передние лапы и начал отползать. Оказавшись на безопасном расстоянии, он уселся на задние лапы и глухо завыл, задрав к небу тупую морду. Зольдо не растерялся; схватив с земли увесистый камень, он запустил им в собаку. Булыжник угодил в покрытый свалившейся шерстью бок, пес завизжал от боли и кинулся удирать со всех ног.

Гайдэ следила за собакой, приоткрыв свой маленький рот. Конан мельком оглядел улицу; к счастью, праздношатающихся зевак на ней не было. Девочка с изумление взорвалась на спутников.

— Идем, — поторопил ее Конан.

Она шмыгнула носом, потерлась щекой о плечо и, развернувшись на одной ноге, побежала дальше. Мужчины двинулись следом.

Конан икоса поглядывал на бессмертного. Во дворце, охваченный гневом, он и не интересовался своим спутником; теперь ему пришло в голову рассмотреть его поподробнее. Осмотр мало что дал: бессмертный на вид ничем не отличался об обычновенного человека, разве что кожа его была бледна почти до синевы. Но и у некоторых северян можно встретить такую же бледную кожу. Зольдо, видимо, осмотр не принес удовольствия; он повернул к киммерийцу бледное лицо с желтыми радужками зрачков и произнес:

— Хочешь спросить?

— После, — ответил киммериец.

Гайдэ вывела их на широкую, мощенную камнем улицу и остановилась.

— Вон там, — она махнула рукой вдоль улицы. — Там лестница в гавань.

Киммериец и так уже заметил мачты, видневшиеся в дальнем конце улицы.

— Я пойду? — спросила девочка.

— Постой. — Конан вытащил из кошеля еще одну серебряную монету и протянул ее Гайдэ. — Держи. Только не говори о ней сестре.

Девочка юрким обезьяньим движением будто слизнула монету с ладони киммерийца, потом засунула ее за щеку и припустила бежать, не оборачиваясь.

— На тебя всегда воют собаки? — поинтересовался Конан.

— Всегда, — последовал краткий ответ.

— А лошади? Почему они не испугались?

— Они были и так достаточно напуганы.

— Значит, всякая живая тварь от тебя шарахается.

— Да.

— Кром! — буркнул киммериец. — Если каждый пес будет устраивать тебе столь громкую панихиду, то, в конце концов, это соберет толпу зрителей, и нам придется объясняться.

Зольдо молча пожал плечами.

— А крысы? — снова спросил Конан.

— Что крысы? — не понял бессмертный.

— Видно, тебе не приходилось плавать на кораблях...

— Не довелось.

— Если с корабля разбегутся все крысы, то нам никакими силами не заставить капитана

выйти в море, пока они не вернутся. Разве что становиться самим на паруса, а ты ведь с этим, наверное, не знаком.

Зольдо посмотрел в сторону гавани.

— Крысы от меня не бегут, — сказал он и, подумав, добавил: — Как и люди.

Конан криво усмехнулся.

— Ну, тогда пойдем.

Они спустились в гавань, где царила обычная суeta. Конан полной грудью вдохнул давно забытые запахи и пробежал глазами по строю кораблей, оценивая их. Портовая мелочь обступила их, наперебой предлагая свой товар; эти побиушки и мелкие торговцы оказались столь назойливыми, что киммериец не выдержал и рявкнул на них. Они от неожиданности шарахнулись в стороны; Конан де взглядом выделил из толпы одного и поманил к себе. Лохматая личность весьма оборванного вида осторожно приблизилась к нему.

Киммериец ткнул его пальцем в грудь. Оборванец сморщился от боли и через силу заискивающе улыбнулся.

— Ты, ублюдок! Знаешь, куда какая посудина отправляется?

Тот с усердием закивал головой.

— Говори.

Торговцы и нищие сразу потеряли интерес к происходящему и стали потихоньку расползаться. Оборванец начал перечислять названия кораблей, имена капитанов и порты назначения. Информирован он был неплохо — видно, дни и ночи болтался в гавани; возможно, служил наводчиком для пиратов.

— Стоп, — наконец прервал его Конан. — Этот, "Покоритель Бурь", где он?

Оборванец повернулся к морю лицом и указал на большое судно, пришвартованное в дальнем конце гавани.

— Когда он уходит?

— Завтра с рассветом, если будет на то воля богов.

— Держи.

Конан кинул оборванцу серебряную монету. Тот округлил глаза, не веря привалившему счастью, и осклабил в широкой улыбке редкие, через один, зубы.

— А теперь проваливай, — приказал киммериец, предупреждая о том, что дальнейшие услуги не требуются.

Оборванец сгинул, как будто и не было его вовсе, и путники зашагали вдоль линии пирсов к "Покровителю Бурь". С капитаном судна дело сладили быстро; вид кошелька с золотом побудил почтенного морехода осведомиться, не желают ли господа, чтобы он освободил им свою каюту. Получив отказ, он рассыпался в любезностях и заверил, что плаванье будет спокойным; корабль выдержит любую бурю, а солдат на нем столько, что пираты всего лишь мелкая досадная помеха, которая может быть встретиться, а может быть и нет. Было сговорено, что пассажиры явятся на борт ближе к вечеру, чтобы утром, с первыми лучами солнца, судно покинуло гавань и без помех ушел в плаванье.

У Конана зазвенело в ушах от многословия капитана, поэтому он с большим облегчением вновь нырнул в сутолоку порта. Зольдо безмолвной тенью следовал за ним. Киммериец поймал за полу одежду еще одного оборванца, ошивающегося в гавани, и выяснил, где находится ближайшая харчевня с постоянным двором.

Зольдо внезапно отстал и принялся вертеть головой, что-то высматривая.

— Эй, чего ты там застрял? — окликнул его киммериец, выяснив все, что ему нужно

было.

Бессмертный догнал варвара, и они направились к лестнице, ведущей из гавани в город.

— Я голоден, и горло у меня пересохло от жажды, — заявил киммериец. — Тебе-то, нежити, еда не нужна.

Харчевня оказалась недалеко, какие-нибудь полквартала от порта. Она была маленькой, всего на четыре стола, и явно не предназначалась для посетителей такого ранга, какими в глазах хозяина были киммериец и бессмертный. Поэтому он быстро освободил один стол от завсегдатаев и с низкими поклонами усадил за него вновь прибывших. Растропная служанка мгновенно притащила блюдо с жареным мясом, свежие лепешки, хлеб и два кувшина вина.

Конан первым делом подхватил один кувшин и единственным махом вылил его содержимое себе в глотку. Пустую посудину он бросил остолбеневшей девице и распорядился:

— Принеси-ка еще, милашка.

После этого он вытащил нож и отдал должное еде. Зольдо пил вино маленькими глотками и съел довольно немного мяса с хлебом, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания.

Хозяин, подождав, пока гости утолят первый голод, подошел и осведомился, не нужно ли чего еще.

— Комнаты есть? — спросил киммериец.

— Наверху.

Хозяин радостно потер руки, предвкушая поживу, но тут же к своему огорчению узнал, что комната нужна только до вечера. Тем не менее, Конан заплатил с королевской щедростью. Потом, прикончив второй кувшин, он послал служанку за третьим.

Остальные посетители харчевни притихли за своими столами, искоса рассматривая Зольдо, богатый наряд которого отличал бессмертного от этих голодранцев, как выделяется золотой самородок в сером речном песке. Зольдо лениво ковырял кусок мяса и был похож на нобиля, невесть зачем забредшего в портовые трущобы. Завсегдатая харчевни не были благородны ни видом, ни нравом, но мечи, висевшие на поясах непривычных посетителей, и их доспехи сразу охлаждали горячие головы. Покрытое шрамами лицо великана-северянина говорило о том, что клинок в его руках чувствовал себя привычно и уверенно. Что до его спутника в богатой одежде, то каждый, кто заглянул в его странные желтые глаза, ощущал, как по спине у него пробегает морозная волна озноба.

Бессмертный оставил в покое свой кусок мяса, вытер нож и вложил оружие в ножны.

— Конан, за нами следят, — спокойно произнес он. Киммериец обвел взглядом харчевню.

— Эти? — он хмыкнул.

— Нет. За нами начали следить ее в гавани.

Киммериец положил кусок мяса на блюдо и отхлебнул вина.

— Тебе не померещилось?

— Нет, — сказал Зольдо.

* * *

Стигий Сеннух, по прозвищу Гиена, не поверил своим ушам, когда услышал знакомый рык, советующий портовому отребью отвалить и не путаться под ногами. Только одному

человеку во всей вселенной мог принадлежать этот могучий голос, и к этому человеку у стигийца был давний неоплаченный счет. Сеннух, прячась за спины, осторожно подкрался поближе. Едва взглянув на обладателя мощной глотки стигиец понял, что не ошибся — это был он, Конан, варвар из Киммерии, а также Амра, предводитель черных пиратов. Сеннух-Гиена осторожно протолкался назад и укрылся за рядом бочек, дожидавшихся своей очереди на погрузки. Забившись меж ними словно крыса, он продолжал наблюдение.

В то время, когда имя Амры заставляло трепетать купцов из Аргоса, Зингары, Шема и Стигии, Сеннух был торговцем, человеком состоятельным и уважаемым. Правда, основу его богатства составляла перепродажа награбленного пиратами, но об этом мало кто знал, а те, кто ведал, сами были такими же гиенами и шакалами, питающимися крохами со стола льва. За свою неразборчивость в средствах, за жадность и трусость Сеннух и получил свое прозвище, опять же данное ему киммерийцем. Оно прилипло к стигийцу и стало чем-то вроде клейма или второго имени, которое быстро начало вытеснять данное при рождении. Гордость Сеннуха была уязвлена, но он терпел. Когда же варвара стала тяготить чрезмерная жадность скупщика награбленного, киммериец сошелся с менее прижимистыми партнерами, и поток дорогих тканей и редких безделушек начал иссякать, а через малое время прекратился совсем. Варвар не держал в секрете, что побудило его разорвать все сделки со стигийцем, в результате Сеннух остался без клиентов. Скупщику пришлось довольствоваться добычей мелкого ворья, которому некуда было деться и приходилось идти на поклон Гиене; от былого богатства за считанные месяцы осталось всего-то ничего.

Наконец стигиец попытался заняться другим промыслом и ничего не смог придумать лучше, как снарядить несколько кораблей с товаром. Амра, проведав о том через своих осведомителей пустил корабли стигийца ко дну, а товар, снятый с них, перепродал в том же городе. Скупщик мало того, что был разорен, но еще и стал посмешищем. Стигиец поклялся отомстить — тем более, что от прежнего компаньона к нему заявился посланец, который передал совет убраться куда подальше и не портить воздух в Асгалуне своим гнилым дыханием.

Ненависть Сеннуха потопила остатки разума. За голову Амры была назначена немалая награда, но только сумасшедший мог бы попытаться заработать деньги таким способом. Стигиец, однако, решил рискнуть, убив двух зайцев сразу: избавиться от Конана и поправить свои дела, получив обещанную награду — да и не только ее. Скупщик явился к асгалунскому наместнику и сказал, что знает, как поймать пирата. Наместник, важный вельможа из благородных шемитов, имевший постоянных доход с добычи морских разбойников, а потому предпочитавший смотреть на много сквозь пальцы, решил ради забавы выслушать безумца, пришедшего во дворец а потом упрятать его в тюрьму — ради собственного же спокойствия. Однако план Сеннуха затронул ту струну в душе наместника, которая была у них общей — алчность.

Хитроумный стигиец предложил бросить в тюрьму верного человека Конана, главного из его наводчиков — да и всех остальных в придачу; скупщик знал их поименно. Амра непременно заявится, чтобы отомстить, и тогда нужно лишь солдат побольше, и дело будет сделано. Себя же самого стигиец предлагал в качестве приманки. Но не это убедило наместника, а другое: казнь всех скупщиков награбленного с конфискацией их имущества в пользу казны, сиречь самого наместника. После того как варвар будет схвачен и доставлен в столицу для публичной казни, он, Сеннух, приберет всю скупку к своим рукам, — пиратам все равно некуда будет деваться. Тогда стигиец выставит свои условия, и они, само собой,

согласятся. Семьдесят процентов от торговли скропщик предложил наместнику, себе оставив скромных тридцать — как посреднику его светлости, который, естественно, останется в тени. Эти перспективы сделали свое дело, вскружив наместнику голову, и он дал согласие.

Злая судьба, однако, продолжала преследовать стигийца злая судьба в лице варвара из Киммерии. Конан узнал о готовящемся предательстве раньше, чем его человек оказался в тюрьме. Ответ Амры последовал незамедлительно: однажды утром асгалунский наместник обнаружил в своей спальне мешок с отрезанными головами стражей, оберегавших его покой. Затем к нему явился начальник Тайной Канцелярии со срочным докладом — ему прислали головы всех шпионов, которых он с усердием, достойным похвалы, пытался внедрить в среду пиратов. К мешку, найденному в спальне наместника, было приколото письмо, содержания которого Сеннух никогда не узнал. Утром за ним явились солдаты и повели в узилище наместник решил не испытывать судьбу и оставить все, как есть. Стигиец только чудом сбежал по дороге, подкупив стражей. Несколько дней он прятался в выгребной яме и покинул город в бочке золотаря, заполненной смердящим содержимым. Вырвавшись на свободу, стигиец долго отсиживался в окрестностях Асгалуна, таился на самом дне, опасаясь мести грозного Амры. Лишь когда Конан покинул своих чернокожих головорезов, канув в безвестность, а в Асгалуне сменился наместник, Сеннух осмелился вылезти из своей норы и потихоньку, с оглядкой, занялся прежним ремеслом. По иронии судьбы кто-то снова окрестил стигийца Гиеной; нелестная кличка снова вернулась к нему и прилипла намертво. Каждый раз, невзначай услышав ее, Сеннух вспоминал Конана, и лютая злоба начинала клокотать у него в душе.

И вот теперь, много лет спустя, Сеннух-Гиена снова видел перед собой источник всех бед и несчастий, свалившихся на его шею. Рядом с киммерийским варваром ошивался какой-то незнакомец, по виду из знати — это не удивило стигийца; от северянина всегда можно было ожидать чего угодно. Сеннух проследил за варварам и его спутником до самых дверей харчевни; старая жажда мести вновь вспыхнула жгучим пламенем. Стигиец не слышал, о чем толковал Амра с портовым оборванцем, но поход его врага на палубу "Повелителя Бурь" помог понять Сеннуху дальнейший ход событий. Стигиец знал, то корабль покидает гавань на рассвете; следовательно, у него осталось мало времени, если Амра собирается улизнуть из Асгалуна на этом судне.

Сеннух задумался. Что, если сообщить о госте городским властям? Голова Амры по-прежнему в цене, хотя прошло немало лет — такие прегрешения властями не забываются. Но он тут же отмел мысль о доносе. Хватит, уже один раз донес! Чем это кончилось, он помнил слишком хорошо. Оставалась только одна возможность отомстить, и ее упускать не следовало. Приняв решение, Сеннух немедля приступил к делу.

В всяком городе есть такие закоулки, куда человек, мнящий себя порядочным, не заглядывает никогда на свете — по крайней мере, пока обстоятельства не заставят его это сделать. Как всякий мерзавец, Сеннух не считал себя таковым, но других, как и водится, полагал мерзавцами и выродками. Больше всего на свете стигиец трясся за свою шкуру, а сейчас он направлялся туда, где ей грозила наибольшая опасность. Но жажда мести не остановила его и перед этим.

В грязной харчевне на задворках гавани имел постоянное пристанище некто, чья слава в Асгалуне не уступала славе самых темных демонов преисподней. Имени его не знал никто, и был он известен как Бесноватый Упырь, его так и в глаза звали. Похожий более на животное, чем на человека, не знал он другой забавы, как убивать; даже золото для него имело меньшую

цену, чем вид и запах свежепролитой крови, от которого впадал Упырь в неистовство. Появившись в Асгалуне неведомо откуда, он быстро приобрел известность самого жестокого наемного убийцы — одного упоминания о Бесноватом было достаточно для того, чтобы устрашить любого. Жертвы свои Упырь преследовал до конца, и умирали они в страшных мучениях. Вокруг него собралась шайка молодчиков, способных зарезать мать родную из-за медного гроша; боялись они своего атамана и слушались беспрекословно. Несколько раз кто-то нанимал людей, чтобы отправить Бесноватого на Серые Равнины, но безрезультатно: истерзанные трупы наемников потом частям собирали на улицах города.

Сеннух протиснулся в низенькую дверь харчевни. Она даже не имела названия, да и нужды в нем не было — давно уже люди обходили этот притон стороной. Раньше времени состарившийся владелец его довольствовался тем, что перепадало ему от Бесноватого. Сеннух, прищурившись, попытался разглядеть что-то в полуутемном помещении; Упырь любил темноту. Вдруг цепкая рука ухватила скупщика за ворот и сильно толкнула с порога; не удержавшись на ногах, он повалился на пол и уткнулся носом в валявшиеся на утоптанной глине объедки. Встать стигийцу не дали; его подхватили и поставили на колени, сунув под нос горящую лампу — да так, что он услышал, как трещат в огне его ресницы.

— А-а, Гиена, — протянул сумрачный голос.

Лампу убрали. Сеннух несколько раз зажмурился и наконец разглядел перед собой человека. Грязные нечесаные волосы свисали на низкий лоб, лицо его заросло столь же грязной бородой до самых глаз, тусклых и невыразительных. Стигиец понял, что перед ним сам Бесноватый Упырь.

— Что тебе надо, Гиена? — спросил Упырь.

— Откуда ты меня знаешь? — испуганно выдавил Сеннух и запнулся.

— Называй меня Упырем, Гиена, не бойся, — ласково сказал Бесноватый. — Мне это нравится. Знать тебя — знаю, а откуда — не твое дело, падаль. Говори, зачем пришел.

Стигийца трясло, поэтому слушал он невнимательно, а только выпалил заранее приготовленную фразу:

— У меня к тебе дело.

— Дело? — улыбнулся Бесноватый. — Какое? Я не ворую, мне нечего предложить тебе.

Стигиец яростно замотал головой, отрицая подобное предположение, и выдохнул:

— Мне нужна голова одного человека.

Упырь оскалил в подобии улыбки кривые желтые зубы.

— Ну-ну... и сколько заплатишь?

— По десять золотых на каждого.

В тусклых глазах Упыря что-то промелькнуло.

— Ты же говорил об одной голове? Или я не расслышал?

— Их двое, — объяснил стигиец, — но мне нужна одна голова.

Бесноватый покивал понимающе и поинтересовался:

— Ты сказал — по десять золотых? За каждого из них, или на каждого из нас?

— На каждого из вас, — простонал Сеннух.

— Тяжело же дались тебе эти слова, Гиена, — в тоне Упыря появилось нечто вроде сочувствия, за которым сквозило неприкрытое злорадство. — Ну, так и быть, послезавтра получишь свою голову. Говори, кто и где, а если вдруг не знаешь имен, то опиши наружность и, если что, не обессудь за ошибку.

— Не послезавтра, сегодня, — сказа стигиец.

В тусклых глазах появилось откровенное изумление.

— Значит, срочный заказ? Это будет стоить в два раза дороже.

Упырь назвал сумасшедшую цену — она и поначалу была совершенно безумной, но злоба лишила стигийца здравого смысла.

— Согласен, — сказал он.

Бесноватый наклонился к нему, и Сеннух почувствовал, как железные пальцы впились ему в горло.

— Нас восемь. Ты платишь сто шестьдесят золотых за одну голову?

— Да, — просипел стигиец.

Упырь дал ему глотнуть воздуха, а затем снова сжал пальцы.

— Кого ты пасешь, Гиена? Говори!

— Двое чужестранцев... Харчевня "Голубая Устрица"... Утром уплывают на "Покровителе Бурь"... — забулькал Сеннух, давясь набежавшей в рот слюной.

— Дальше.

— Один северянин... другой желтоглазый... голову северянина...

Сеннух прекратил биться и покорно ждал, пока Бесноватому надоест над ним измываться, но тот и не думал прекращать.

— Ты знаешь его имя? Говори!

Только сейчас в мозг стигийца вкрадлось некое смутное подозрение, а в чертах Упыря промелькнуло что-то знакомое. Но было поздно, в чем-либо раскаиваться.

— Ты знаешь его имя, — повторил Бесноватый.

Он сдавил горло стигийца и держал так, пока глаза у того от удушья не вылезли из орбит. Потом он ослабил хватку и тряхнул скрупульта, как тряпичную куклу.

— Говори!

— Конан из Киммерии, — пролепетал полузадушенный стигиец.

— Амра?!

— Да.

— Повтори.

Стигиец не отвечал.

— Эй, принесите еще лампу, — рявкнул Упырь, — и воды, плеснуть ему на башку.

На стигийца вылили кувшин воды. Он не пошевелился. Молодчик отставил посудину и склонился над телом.

— Упырь, а он того... сдох! — сказал он, распрямляясь.

Бесноватый почесал пятерней затылок и радостно заржал.

— Значит, узнал-таки меня!

Молодчик со злобой пнул неподвижное тело.

— Плакали наши денежки...

— Заткнись! — рявкнул Упырь. — Не то, клянусь Сетом, отправишься вслед за ним и там потребуешь у него должок!

Молодчик сразу скис.

— Ты и ты, — Упырь ткнул пальцем, — ноги в руки, и к "Голубой Устрице". Узнать о двух чужестранцах. Если они еще там — один следит, в второй — сюда. Ясно.

Двое бандитов поспешили скрыться в дверях.

Конан и Зольдо поднялись в комнату, затем киммериец тщательно запер дверь на засов.

— Ты видел того, кто следил за нами? — спросил он.

— Да. Похож на стигийца, но одет, как местный.

— Проклятье! Только этого не хватало! Если здесь кто-нибудь вспомнил Конана из Киммерии, то нам будет трудновато выбраться.

Зольдо промолчал.

Киммериец направился к кровати, которая стояла посреди комнаты, и улегся на нее. Ложе под ним жалобно заскрипело.

— Кром, — сказал Конан спустя недолгое время и поднялся на ноги. — Ладно. Уходим.

В дверь тихо-тихо постучали.

Он глазами показал бессмертному, чтобы тот занял место у стены. Обнажив меч, Конан подкрался к двери на цыпочках и отодвинул засов, а сам быстро отступил. Дверь немного приоткрылась, и в щель просунулась кудрявая головка давешней служанки. Увидев отточенное лезвие, она округлила глаза и ойкнула. Зольдо рывком втянул девушку в комнату и зажал ей рот.

— Тсс... — прошипел киммериец, приложив палец к губам. Тихо, девочка. Тебе нечего опасаться.

Служанка быстро закивала, и он дал знак отпустить ее.

— Что тебе надо?

Служанка стрельнула в киммерийца влажными глазенками и зашептала:

— Уходите отсюда, господин мой. Вас ищут.

— Кто?

— Люди Бесноватого Упыря.

— Кого? — перепросил Конан, подняв бровь.

Девушка передернула плечами и со страхом оглянулась.

— Есть здесь такой. Убивает за деньги. Мучает и убивает. — Она оглянулась еще раз. — Хозяин не знает, что я пришла к вам. Я побегу? А то он хватится.

— Спасибо, девочка, — сказал киммериец, — и не беспокойся. Главное, чтобы никто не узнал, что ты нас предупредила.

— Не узнают.

Служанка бесшумно выскользнула из комнаты. Зольдо запер за ней. Киммериец вложил меч в ножны и потянулся так, что хрустнули кости.

— Зачем запер? — сказал Конан. — Пошли.

— Куда? — спросил Зольдо.

— Охотиться на Упыря, — объяснил киммериец. — Или ты остаешься?

— Я иду с тобой, — бессмертный кивнул.

Они спустились по лестнице в зал харчевни. Служанка, завидев Конана, едва заметным знаком показала на ближний от входа угол, где в одиночестве потягивал вино мрачного вида парень. На поясе у него болталась кривая сабля. Он занял место в углу так, чтобы держать выход из харчевни в поле зрения; зал его не интересовал.

— Пойдем, присядем, — предложил киммериец.

Они уселись за свободный стол.

— Эй, милашка, — позвал Конан служанку, — принеси-ка вина.

Когда девушка прибежала с полным кувшином, он игриво обнял ее за талию и усадил на колени. Со стороны казалось, что киммериец заигрывает со служанкой; широко улыбаясь, он что-то шептал ей на ушко. На самом же деле Конан шепотом спросил девушку:

— Он один?

Служанка сразу поняла задумку киммерийца. Притворно отбиваясь и хохоча, она прошептала:

— Второй ушел. Только что.

Конан отпустил девушку, напоследок хлопнув ее по заду. Неожиданно она развернулась и залепила Конану в ответ звонкую пощечину. Киммериец опешил, а девушка, смущившись, убежала на кухню, провожаемая хохотом. Киммериец потер щеку и расхохотался сам. Оплеуха была очень кстати — теперь девчонку вряд ли кто-нибудь заподозрит.

Зольдо наблюдал за ним, и на губах бессмертного блуждала непонятная улыбка. Конан свирепо посмотрел на него, потом снова усмехнулся и негромко произнес:

— Он один. Выходим и скрываемся. Потеряв нас, он побежит к своему Упырю, а мы последуем за ним.

Зольдо бросил на стол монету, затем они поднялись из-за стола и пошли к выходу. Парень с саблей скосил на них глаза и опять уставился сквозь дверной проем на улицу.

Они вышли из харчевни.

Молодчик жестом подозвал к себе хозяина.

— Ты говорил, что они будут здесь до вечера, — прошипел он, брызгая слюнкой.

Побледневший трактирщик развел руками.

— Они мне так сказали, — умоляюще произнес он. — Я не знаю, почему они ушли.

— Ладно, Упырь с тобой сам разберется, попозже, пообещал молодчик и поспешил из харчевни.

Он рассчитывал, что варвар и его спутник не уйдет далеко, но, выбежав на улицу, и следа их не обнаружил. Молодчик заметался, не зная, что ему предпринять. В конце концов, как и рассчитывал Конан, он решил отправиться к Упырю и свалить всю вину на владельца харчевни, дабы отвести от себя гнев Бесноватого. Молодчик кинулся по улице сломя голову. Тогда два человека спрыгнули с плоской крыши маленькой пристройки рядом с харчевней и последовали за ним.

Бандит несся, как угорелый, даже не думая оборачиваться, так что не упустить его из виду не составляло большого труда. Киммериец и бессмертный следовали за ним по пятам. Улицы становились все уже и грязнее, дама — обшарпанней; в этих портовых кварталах витал запах нищеты, сдобренной вонью протухшей рыбы и нечистот. Наконец бандит резко затормозил перед низенькой, ничем не примечательной лачугой. Преследователи мигом нырнули за ближайший угол и прижались к стене. Молодчик потоптался на месте, толкнул хлипкую дверь и, согнувшись в три погибели, скрылся в доме.

— Пришли, — пробормотал киммериец.

Он покинул импровизированное укрытие и побежал к дому; за его спиной слышался топот сапог бессмертного. Киммериец собрался уже толкнуть дверь, но вдруг пальцы Зольдо перехватили его запястье. Плоть бессмертного была холодна, как льды Асгарда. Конан, ошеломленный его поведением, резко повернул голову.

— Дозволь мне войти первым, — шепотом произнес Зольдо, предупреждая возглас спутника.

Киммериец гневно отмахнулся от него, но тут последовало то, чего он никак не мог ожидать: бессмертный подставил варвару подножку, затем резким толчком швырнул на землю. Конан рухнул в пыль, сбитый с ног предательским приемом. Падая, он извернулся в воздухе, как кошка, и приземлился на четвереньки, готовый к дальнейшим неожиданностям, но бессмертного уже и след простыл, только дверь со стуком затворилась за его спиной. Конан с проклятьем вскочил на ноги и ринулся следом.

За дверью его встретили лязг оружия и тьма, едва рассеиваемая огоньком одинокой лампы. Конан застыл на пороге, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте; похоже, его появление осталось незамеченным. В центре небольшой комнаты с низким потолком копошилась темная масса, с грохотом падала мебель, звон стали непрерывной нотой висел в воздухе. Кто-то истошно заверещал, визг быстро перешел в захлебывающийся крик, и от темной массы отвалился ком, в котором можно было разглядеть фигуру человека, схватившегося обеими руками за грудь. Раненный сделал несколько неверных шагов и наткнулся на стену. Словно комок рухляди, сорвавшейся с гвоздя, он сполз вниз и опустился на пол, судорожно дергая ногами. Вскоре Конан разглядел еще двоих, без движения валявшихся под ногами сражавшихся.

— Ублюдок! — рявкнул он в темноту. Ругательство адресовалось бессмертному, но в то же время он хотел отвлечь на себя внимание нападающих.

Оклик подействовал, как ведро воды, выпитое на сцепившихся в драке котов — масса в центре комнаты распалась на отдельные фигуры. В середине круга стоял Зольдо с мечом и кинжалом; опешившие бандиты замерли, стараясь сообразить, что к чему. Соображали они недолго, но за это время Конан успел их сосчитать — десяток крепких парней самого разбойного вида. Через мгновение схватка возобновилась: трое с широкими кривыми саблями бросились к киммерийцу, остальные вновь накинулись на бессмертного.

Меч варвара со свистящим шелестом вылетел из ножен. Конан не стал ждать, пока враги приблизятся, и сам прыгнул навстречу. Два клинка, прямой и изогнутый, столкнулись, высекая искры; сабля птицей вылетела из руки бандита и вонзались в потолок сibriющим стоном. Киммериец ударом ноги отшвырнул противника к стене. Двое других отпрыгнули, чтобы напасть с двух сторон одновременно. Конан, не дожидаясь, пока они приведут свой план в исполнение, ринулся вперед — так, чтобы оказаться поближе к одному из противников. Бандиты разгадали маневр варвара, но слишком поздно.

Первая жертва покатилась по полу с распоротым животом, сжимая окровавленными пальцами раны; Конан же развернулся на месте и, как змея, скользнул к следующему. Тот начал вращать саблей в воздухе, рассчитывая, что не даст врагу приблизиться. Но Конан не интересовался фехтовальным искусством бандита; его меч с ужасающей силой рухнул на саблю противника. Удар был таков, что бандита развернуло к киммерийцу спиной — и тут же острие меча Конана врезалось в тело врага и прошло по спине наискось от плеча до поясницы, перерубив позвоночник. Мертвый бандит еще не упал, а варвар уже был готов к продолжению боя.

Враг, которого он обезоружил и оглушил ударом ноги в самом начале схватки, пришел в себя. Увидев, что киммериец стоит к нему спиной, он вскочил на ноги и изо всех сил помчался к своему оружию, которое засело в балке низкого потолка. Острие сабли ушло в дерево совсем неглубоко, и рукоять оружия подрагивала, отзыкаясь на топот множества ног, падения мертвых и столкновения живых. Бандит ухватил саблю, выдернул ее и обрушил удар на киммерийца. Вернее, так ему показалось — глаза его расширились от изумления, когда он

заметил, что у него больше нет руки, а только короткая кулья, из которой хлещет кровь. Больше он не увидел ничего: варвар был стремителен — первый удар мечом перерубил руку бандита в плече, вторым ударом Конан развалил его надвое. Рука врага так и осталась висеть: пальцы мертвый хваткой вцепились в рукоятку сабли.

Конан отвернулся от мертвеца и опустил оружие. Комната казалась пустой. Дрожащий огонек лампы скудно освещал перевернутые столы и скамьи, а также трупы, впавшие меж ними. Бессмертного в комнате не было, но до слуха киммерийца донесся отдаленный шум. Приглядевшись, он заметил в дальней стене еще одну дверь; шум слышался оттуда. Конан быстро пересчитал мертвецов — их было восемь. В живых еще двое, подумал киммериец и поспешил на шум. Звон металла в темном углу комнаты изменил его первоначальные намерения: кто-то затаился в темноте, пережидая. Видно, надеялся улизнуть, оставшись незамеченным.

Конан замер, потом повернулся лицом к углу и приказал:

— Выходи!

Тускло блеснув металлом, вылетел кинжал! следом за ним выскоцил человек и бросился к двери, ведущий на улицу. Но киммериец был начеку. Кинжал он на лету отбил клинком, а затем перехватил меч в руке и собрался метнуть его, как копье, в спину бандиту. Он не успел сделать это: короткий свист разорвал тишину, и бандит кубарем покатился по полу. Он упал лицом вниз, раскинув руки, и застыл неподвижно; в затылке у него торчала короткая палочка.

Бессмертный стоял в черном прямоугольнике внутренней двери.

— А, это ты, — проворчал киммериец.

Зольдо наклонился, подхватил что-то и направился к Конану. Это что-то было бесчувственным телом, которое он волок за шиворот. Он протащил ношу на середину комнаты и бросил ее к ногам киммерийца.

— Это Упырь, — сказал он. — Живой.

Зольдо пинком перевернул тело на спину.

— Принеси лампу, а то темно, хоть глаз выколи, буркнул Конан. Бессмертный молча отошел. Вернувшись с лампой в руке, он подхватил перевернутый табурет и водрузил лампу на него. Рыжий огненный язычок поплясал немного и успокоился, вновь протянулся острием к закопченному потолку. Белки закатившихся глаз Упыря слабо заблестели, отражая неровный свет. Бесноватый не приходил в сознание.

— Крепко ты его, — заметил Конан и поинтересовался: Вода здесь есть?

— Не знаю.

— Дай-ка лампу, — киммериец протянул ладонь.

Бессмертный снял светильник со стула и подал Конану; тот поднес огонек к заросшему волосом лицу Бесноватого Упыря.

— Ну и ну, — вдруг вырвалось у него.

Киммериец отставил лампу, вложил в ножны меч, который до сих пор держал в руке, и вынул кинжал. Его острием он ткнул под ребра распростертое перед ним тело. Упырь тихо застонал.

— Давай, очухивайся побыстрее, — пробормотал Конан и ткнул сильнее.

Бесноватый глубоко вздохнул и медленно опустил веки. Когда он пришел в себя от боли, то сразу сообразил, что к чему, и понял, что бежать ему не удастся: железные пальцы варвара крепко держали его за горло. Упырь вспомнил Сеннуха-Гиену и скривился.

— Ну, здравствуй, Рамес, — услышал он знакомый ненавистный голос и открыл глаза.

Лицо варвара с холодными синими глазами нависло над ним. Новые шрамы появились на нем, но не узнать Конана было невозможно. Упырь скосился и увидел второго. Желтоглазый смотрел на него словно на таракана — перед тем, как прихлопнуть насекомое. Из горла Бесноватого вырвалось хриплое проклятье.

— Ну, я виду, ты уже в полном порядке, — насмешливо прогудел киммериец и встряхнул Бесноватого так, что у того лязгнули зубы. — А теперь говори, скотина, кто тебя подослал?

Упырь, которого Конан назвал Рамесом, ощерился, с ненавистью глядя на варвара.

— Сеннух-Гиена, — процедил он сквозь зубы.

— Сеннух?! — удивился Конан. Память киммерийца годы не замутили: жадюгускупщика, который к тому же был предателем, он вспомнил сразу — как вспомнил и то, что сам разорил его; по мнению Конана, это было самым легким наказанием для Гиены. — Так он до сих пор не подох?

— Подох. Сегодня, — проскрежетал Рамес-Упырь.

Конан хмыкнул.

— Значит, сегодня... А кто ему удержил — уж не ты ли?

— Я.

— Ну, спасибо, — развеселился киммериец. — А вот заплатил ли он тебе?

— Проклятый варвар! — заорал Упырь, брызгая пеной, выступившей у него в уголках рта. — Чего ты медлишь? Убей меня!

— Да ты что? — усмехнулся Конан. — Мы так давно не виделись, вонючий ублюдок, хотелось бы потолковать... Значит, решил сам со мной расkvиться?

— Я не решил, — просипел Упырь. — Я...

Он с силой дернулся, и вдруг лицо его застыло в изумлении, а в виске выросла рукоять стилета. Тело Бесноватого обмякло, и голова упала, глухо стукнувшись о пол.

Киммериец разжал сведенные на глотке бандита пальцы и фыркнул, как разъяренный тигр.

— Разве я тебя в телохранители нанял? — ледяным голосом спросил он бессмертного.

Но Зольдо только мигнул желтыми глазами.

— Он что-то достал из одежды, — произнес он бесцветным голосом и указал пальцем на сжатый кулак мертвеца.

Киммериец умолк. Он посмотрел на свой кинжал, спрятал его в ножны и оглянулся. За спиной у него валялся труп бандита; рядом с ним лежала сабля. Конан поднял оружие и, просунув конец лезвия между стиснутых пальцев мертвеца, заставил кулак раскрыться. На ладони покойного Упыря темнел странный порошок.

— Черный лотос, — проговорил киммериец. — Ладно, беру свои слова назад!

— Ты знал его? — спросил Зольдо.

— Знал, — кивнул Конан, отходя от трупа. — Тоже стигиец, как и Гиена. Жрец-расстрига! Бежал сначала из своего гнилого храма, а после — из Стигии. Прибрался к пиратам, но как был жрецом, так им и остался. Сколько козла не мой, он все равно воняет, — закончил он.

Зольдо наклонился над трупом Бесноватого.

— Лотос! — предупреждая его, воскликнул киммериец.

— Мне он не страшен, — сказал Зольдо.

Он выдернул из виска покойного свой стилет, вытер узкое лезвие о его грудь и спрятал нож за пояс.

Они пошли к выходу. Зольдо нагнулся к трупу, лежащему перед дверью, и вытащил второй стилет у него из затылка.

Неожиданный шум позади привлек их внимание; они насторожились. В проеме внутренней двери появился отсвет пламени, а вслед за ним возникла сгорбленная донельзя человеческая фигура с лампой в дрожащей руке. Свет вырвал из потемок морщинистое лицо — стариk оглядывал мертвцев. Обнаружив тело Бенноватого, он что-то залопотал, а вслед за этим плонул на покойника. Но, совершая свою старческую месть, он слишком сильно наклонился или, может быть, задел руку, в которой был смертоносный порошок — стариk повалился на своего врага. Лампа выпала и покатилась, разбрызгивая горящее масло.

Оказавшись на улице, Конан прищурился на солнце.

— Время еще есть, — сообщил он. — Вернемся в харчевню, а то у меня в глотке пересохло.

И зашагал к гавани. Зольдо беспрекословно последовал за ним.

* * *

В харчевне "Голубая Жемчужина" Конан с порога зычным голосом потребовал вина. Служанка, увидев их, раскрыла рот от изумления, а хозяин побелел, как полотно. Киммериец уселся за стол, с удовольствием вытянув ноги; лишь сейчас он заметил, что на плечах бессмертного нет плаща.

— Где твой плащ? — спросил он.

— Остался там, — ответил Зольдо. — Зачем мне дырявый плащ?

— А-а...

И Конан перенес свое внимание на служанку, которая приближалась с объемистым кувшином. Она со стуком поставила посудину на стол и, сделав страшные глаза, прошептала:

— Почему вы вернулись?

Киммериец поймал ее за руку и отхлебнул из кувшина.

— Девочка, принеси еще один, — сказал он. — Этот я выпью, пожелав удачи демонам Нергала. Демонам, которые сейчас грузят душу Упыря в самый большой котел преисподней.

Служанка замерла.

— Хозяин послал к упырю сына — сказать, что вы вернулись, — пролепетала она.

— Передай этому ублюдку, чтоб попридержал язык до вечера, пока мы не уедем, иначе я ему его отрежу. И пусть молится богам, чтобы я не отрезал его вместе с головой, тряхнув косматой гривой волос, киммериец отыскал взглядом хозяина харчевни. Тот, поймав брошенный взгляд, аж посинел. Конан чуть подтолкнул девушку: — Ну, иди!

Она убежала, и, схватив хозяина за руку, утащила его на кухню. Больше на глаза киммерийцу он не показывался, а служанка, кроме вина, принесла еще и блюдо с мясом. Конан потянул носом и причмокнул губами. На кувшине, замшелом от старости, красовалась печать на воске, которым была залита горловина. Зольдо ударом кинжала отбил горлышко кувшина, понюхал содержимое и протянул кувшин Конану. Киммериец снял пробу.

— Ого! — весело сказал он.

Служанка стояла рядом и ждала, теребя фартук дрожащими руками.

— Что еще? — спросил Конан.

Девушка потупилась.

— Не держи на него зла, воин... Упыря все боялись, сказала она.

Киммериец махнул рукой, и девушка, просияв, убежала на кухню. Конан посмотрел на Зольдо, который не спеша потягивал вино из кружки: брови киммерийца сошлись на переносице.

— Зольдо, ты мне спас жизнь, — сказал он.

Бессмертный в знак согласия медленно наклонил голову.

— От ножа ты бы ушел, а от черного лотоса вряд ли, бесстрастно подтвердил он и, помолчав, добавил: — сделай для меня обратное — и мы будем квиты.

Глава 9. ПОКА КОРАБЛЬ ПЛЫЛ...

Ты еще на свет не родился, когда я был убит, — сказал Зольдо. Он вытянул руки вперед, вглядываясь в свои ладони. — Мертвая плоть не стареет... Меня убили, когда мне было тридцать лет. И убил тот, кому я доверял как себе самому.

Бессмертный замолчал, а потом тихо произнес:

— Нет в моей смерти чести для воина, и не хочу я о ней говорить.

В раскрытое окно каюты врывался соленый морской ветер, трепал и ерошил светлые волосы Зольдо. Конан точил меч и слушал его рассказ.

— Когда мой брат вернул меня с Серых Равнин, я пришел к своему убийце. Он думал, что я чудом остался жив, и взял меч, чтобы биться со мной. Я позволил ему выбить у меня из рук оружие. С криком радости он вонзил клинок мне в сердце, так что лезвие вышло из спины. Я стоял, пронзенный мечом насеквось, и ходил. Он поседел от страха у меня на глазах, а оптом я разорвал его в клочья голыми руками. На крики сбежались стражи, но, увидев меня с мечом в груди, они бросили оружие и пустились улепетывать в разные стороны. Я ушел и больше никогда не возвращался туда, где я родился. Я долго был у брата и все время умолял его вернуть меня на Серые Равнины, но он и слышать об этом не хотел. Тогда я ушел. Он отпустил меня, предрекая мне возвращение. Однако этого не случилось.

— А что произошло с твоим братом? — задал вопрос Конан.

Зольдо улыбнулся.

— Спроси о том у своего меча, киммериец.

— Что?!

Конан изумился. Он озадаченно потер шею кулаком с зажатым в ней точильным бруском.

— Это когда же?

— Вспомни Гулистан; горцы и похищенная магами вендийская принцесса.

— Ты не похож на вендийца.

— А я и не говорил, что я — вендиец.

— Так кто же ты все-таки?

— Оживший мертвец, который не может умереть сам.

Конан сдул прядь волос, упавшую на глаза, и кивнул.

— Не хочешь говорить — и не надо. А дальше?

— Я ушел. Теперь я не считаю себя воином: скучно убивать тех, кто не может убить тебя, а я искал свою смерть. В конце концов я добрался до Пелиаса. Все остальное ты знаешь с его слов.

— Почему ты сам не отправился за Камнем Мертвых? Или тебя устрашили рассказы старого пройдохи-чародея?

— Может быть, я бы и сам пошел за талисманом, но в этом случае смерть моя оказалась бы ужасной. Камень Мертвых не способен без мага разрушить заклинание, связывающее душу с мертвой плотью, но он может уничтожить саму душу, и тогда я никогда не вернусь на Серые Равнины. Об этом мне сказал другой маг, не Пелиас; Пелиас это только подтвердил.

— А потом вы подстроили дело так, чтобы я отправился за талисманом, — мрачно продолжил Конан.

— Пелиас сказал: ты — и никто иной.

— Чтоб его молния поразила, этого старого фокусника!

Конан с лязгом вогнал меч в ножны.

— Тебе я не верить не могу, — сказал он. — Знавал я в одно время оживленного, вроде тебя — тоже ни о чем, кроме Серых Равнин, думать не мог. Но Пелиас напустил столько туману...

— Я знаю не больше, чем ты.

Киммериец задумался.

— Сдается мне, что нам доведется скрестить мечи друг с другом, а то, что болтал Пелиас о возвращении с талисманом — брехня!

— Не знаю, — сказал бессмертный. — Если так, то я отдаю тебе свое оружие.

— Что? — изумился киммериец.

— Я могу убить тебя, — пояснил Зольдо. — А к чему нам это?

Конана такой поворот дела немного озадачил. Он подпер подбородок ладонью и замолк в томительном раздумии.

— Что ж, может статья и так, — наконец произнес киммериец. — Но если ты умрешь, то умрешь с мечом в руках. Я же порешил твоего брата.

— Туда ему и дорога, — тихо обронил Зольдо.

Глава 10. ДЖУНГЛИ

Несколько сильными ударами своего длинного кинжала Конан перерубил змеевидные стебли лиан, что перегородили путь. Из одного обрубка выплеснулся белый, похожий на молоко, клейкий сок. Киммериец выругался и вытер заляпанное плечо ладонью, но тут же понял всю опрометчивость подобного поступка. Он поднес ладонь к носу и сморщился от отвращения.

— Кром! Да от него несет падалью!

Зольдо обломил у черенков пару листьев, способных служить плащом в дождливую погоду, и протянул их киммерийцу. Тот обтер ладонь, тщательно вытер лезвие кинжала и отбросил скомканную зелень прочь.

— Давай-ка теперь я пойду впереди, — предложил бессмертный.

Конан не успел ответить. Отдаленный гул барабанов смешался с непрерывной трескотней, которую издавали тысячи существ, обитавших в сумеречной зелени джунглей. Грохот прокатился над кронами деревьев, сцепившихся кронами так, что лишь отдельные лучи солнца проникали под эту живую крышу, и затих.

Киммериец и бессмертный переглянулись; кажется, барабаны не сулили им ничего хорошего. С молчаливого согласия спутника Зольдо вышел вперед; теперь он прорубал дорогу в густой переплетенной зелени тропического леса.

Солнце четырнадцать раз поднималось над горизонтом с тех пор, как они переправились через реку Зархебу и углубились в джунгли. Плаванье к Черным Королевствам прошло гладко и спокойно; киммериец изнывал от безделья, слоняясь по палубе от борта к борту. Когда корабль нагнал большую стаю дельфинов и капитан решил между делом поохотиться на морских животных, Конан с превеликим пылом принял участие в этой затее. Его искусство в обращении с гарпуном, который варвар метал с борта судна в лоснящиеся мокрые спины, вызвало восхищение у всей команды. Варвар не знал промаха. Стоя на носу корабля, обнаженный по пояс, он принимал из рук подающего тяжелое древко, на одном конце которого сверкало длинное зазубренное жало гарпуна, а на другом круглилось металлическое кольцо с привязанным к нему крепким тонким канатом. Прищурив синие глаза, чтобы не мешали блики солнца, пляшущие на воде, он выжидал, когда меж волн покажется черная глянцевая спина с торчащим серповидным плавником. Темные силуэты дельфинов стремительными молниями мелькали в прозрачной светло-зеленой воде. Когда у животного кончался запас воздуха, оно поднималось на поверхность, выпуская фонтан мельчайших брызг, а затем, набрав полные легкие, вновь скрывалось в глубине. Только на мгновение черная спина маячила среди волн, и этого мгновения терпеливо ждал варвар. С гортанным кличем, почти не замахиваясь, он метал гарпун, и, вслед за мощным броском, каждый раз раздавался торжествующий рев матросских глоток. Конану передавали очередной гарпун, потом на палубу вытаскивали жертву, пронзенную почти насквозь.

Вечером матросы пригласили Конана на свое ежевечернее собрище на палубе: испить чашу крепкого винца. Киммериец не чинился; он сидел в круге моряков, пил с ними и слушал морские байки. О чудищах, живущих в глубинах моря и поднимающихся наверх на погибель кораблям; о штормах и тайфунах, о далеких и таинственных землях, лежащих где-то за морями запада, ну и, конечно, о пиратах и схватках с ними, а из пиратов больше всего об Маре, предводителе Черных, Грозе Океана. Один из матросов, по его словам, видел Амру

самолично, когда судно, на котором он плавал в то время, было захвачено и разграблено, а ему только чудом удалось остаться в живых. Был жесток Амра и не знал он пощады! Конану захотелось за столь правдивую историю дать рассказчику по шее, он сдержался, хотя матрос не желал красок, живописуя деяние грозного пирата. На вопрос, каков был на вид страшный северный варвар, подчинивший себе черных дикарей, в обычаях которых было не щадить инородцев, матрос нахмурил жидкие брови и принял сопредоточенно скрести щетинистый подбородок. Он побегал глазами по лицам товарищей, с нетерпением ожидавших ответа, и остановил взгляд на киммерийце. Тут матрос хлопнул себя по коленям в избытке чувств и заорал:

— Ну вот как он, как господин Ольгар!

Взгляды матросов устремились на варвара, который этим именем назвал себя своим собутыльникам. Конан не почувствовал в этих взглядах для себя никакой опасности узнанным он быть не боялся.

А матрос тем временем продолжал описание, пользуясь живым примером:

— Только тот был в плечах пошире, да и повыше на голову, а то и поболе будет.

Матросы, как будто впервые увидев перед собой, ощупали взглядами фигуру гиганта-киммерийца с ног до головы и разом выдохнули:

— Да неужто?

Рассказчик принял клятву всеми богами подряд: и морскими, и сухопутными.

Конан чуть было не расхохотался. Пытаясь хоть как-то скрыть смех, он поднял чашу с вином, пряча в ней лицо. Напиток, увы, попал не в ту глотку — киммериец поперхнулся, и соседи услужливо заколотили кулаками по широкой спине северянина. Разошлись далеко за полночь, но больше участия вочных посиделках Конан не принимал. Всю дорогу у него чесались руки надрать уши матросу-вралю.

Бессмертный во время плавания почти не покидал каюты; лишь изредка, перед закатом, он проявлялся на палубе и стоял у борта, уперев взгляд в заходящий диск солнца.

Когда борт корабля ударился о камни пристани в последний раз, они покинула судно и, купив верховых животных, двинулись на юг к своей цели, меняя по дороге лошадей и верблюдов. Их появление в безвестной жалкой деревушке на берегу Зархебы было воспринято ее жителям почти как чудо: никогда до сих пор обитатели этого селения не приходилось видеть светлокожих рыцарей в кольчугах с длинными прямыми мечами на боку. Синие глаза киммерийца и желтые — Зольдо привели бесхитростных селян в детский восторг.

Конан с охотой принял гостеприимство дикарей. Жители деревни, узнав, что их гости держат путь в глубь джунглей, ужаснулись и стали отговаривать странников с глазами, похожими на цветные камешки из ручья. Когда же уговоры не возымели действия, чернокожие без лишних слов снарядили лодку и переправили киммерийца и бессмертного на другой берег реки, где и попрощались с ними, горько сетя об их дальнейшей участи. Конан и его спутник углубились в джунгли. Они оставили своих верблюдов в древне и шли пешком, потому что так было легче прорыться сквозь встретившие их заросли, сплошь и рядом усыпанные колючками. На десятый день путешествие Конан наткнулся на свежее костище, возле которого валялись обглоданные человеческие кости и черепа, сложенные в кучу. Дикие звери так не поступают со своими жертвами — то были остатки трапезы людоедов.

Зольдо шел впереди. Правая рука бессмертного мерно опускалась и подымалась вновь — он расчищал дорогу. Громкий топот, раздавшийся справа, заставил его приостановиться.

Кроме топота слышался треск ломаемых ветвей, словно кто-то напролом несся через лес, не разбирая дороги. Шум быстро приближался.

— Лезь на дерево! — услышал он голос киммерийца.

Зольдо не успел последовать совету. Спутанные ветви рядом с ним с треском раздались, и какая-то темная масса с чудовищной силой ударила бессмертного в бок; он подлетел в воздух, упал, и его снова ударило так, что он кубарем покатился по сырой почве, покрытой гнильем. Теперь Зольдо разобрал хрюканье и разъяренный визг кабана. Боли он не чувствовал, не мог чувствовать, но непрестанно атакующий зверь не давал бессмертному воину ни подняться на ноги, ни обнажить оружия. Перед его глазами мелькала то морда кабана с маленькими налившимися кровью глазками и бледно-желтыми клыками в хлопьях пены, то влажная земля, взрытая копытами взбешенного зверя. Вдруг кабан испустил истощный предсмертный визг, затем Зольдо услышал, как визг перешел в захлебывающееся хрипение. Бессмертный перевернулся на спину и увидел над собой киммерийца с окровавленным мечом в руке.

Когда зверь свалил Зольдо и принял катать по земле словно бревно, Конан соскользнул с дерева, на которое успел вскарабкаться. Первым его порывом было броситься на помощь спутнику, но потом киммериец решил не спешить, вспомнив, что гибель Зольдо не грозит. В спине зверя торчал обломок копья; видно, это и послужило причиной яростной атаки кабана — он был ранен. И сейчас, направляя все силы на уничтожение одного противника, зверь совершенно не замечал другого. Памятая о том, как спокойно Зольдо отнесся во дворце к потере головы, и решив, что несколько кабаньих ударов не принесут бессмертному вреда, Конан извлек из ножен меч бесшумно подкрался к зверю. Кабан не услышал ни приближения киммерийца, ни резкого свиста меча.

— Как ты? — спросил Конан, сверху глядываясь в бессмертного.

— Ты не слишком торопился, — заметил Зольдо и сел, тяжело вздохнув. — Этой твари меня не убить.

Бессмертный огляделся и, увидев разрубленную надвое тушу зверя, прищелкнул языком.

Киммериец заботливо очистил лезвие от крови, затем вложил меч в ножны и присел над убитым животным.

— Разведи-ка костер. Коли так случилось, отдохнем и свежего мяса попробуем, — сказал он.

Бессмертный поднялся на ноги и принял отряхиваться. Вскоре в пламени весело затрещали сучья. Конан отделил от туши ногу, насадил ее на крепкий сук и подвесил этот импровизированный вертел над кострищем. Зольдо подбрасывал в огонь сухие ветки, пока киммериец не кинул ему обломок копья, вырезанный им из кабаньего горба. Бессмертный поднял окровавленной древко, повертел перед глазами, а затем с безразличием отшвырнул прочь.

— Сколько нам еще идти? — спросил Конан, присаживаясь на землю рядом с бессмертным.

— Не знаю, — Зольдо поворошил угли палкой. — Не меньше, чем мы уже прошли. Мы приближаемся к святилищу.

Конан, пробурчал что-то нелестное, принял следить за мясом.

Еще пять раз небесное светило поднялось в зенит и снова скрылось за краем земли. Лес понемногу стал редеть; тут и там появились проплешины, поросшие густой высокой травой, в полдень залитые слепящим сиянием солнца. После сумерек, царивших под густыми кронами, дневной свет на открытых участках немилосердно резал глаза. Почва стала суще, и идти по ней было значительно легче.

Огромный коричневый ствол лежал на земле, задрав в воздух вывороченные корни. Конан остановился перед упавшим деревом и ткнул его носком сапога; посыпалась высохшая кора. Толщина этого лесного исполина была такой, что он доходил киммерийцу до пояса. Конан проверил, не сгнило ли дерево; обходить его было делом муторным и долгим. Убедившись, что древесина под ним не провалится, он положил ладони на шершавую кору, собираясь единственным махом перекинуть тело на другую сторону. Бессмертный появился из кустов вслед за ним, отряхивая с плеч налипшую листву.

— Тихо, — вдруг сказал варвар и резко присел.

Зольдо не стал спрашивать, в чем дело; он пригнулся и быстро подскочил к киммерийцу. Ствол поваленного дерева стал укрытием для них обоих.

— Слышишь? — шепотом спросил Конан.

— Слышу, — так же шепотом ответил Зольдо.

Где-то неподалеку переговаривались несколько человек. Голоса были мужскими, и их обладатели не таились, болтали громко, как хозяева; язык, на котором они говорили, был певучим и протяжным со странными прищелываниями в конце слов. Один из них произнес длинную непонятную фразу. Остальные ответили на нее раскатистым громким смехом.

Конан приподнялся и осторожно глянул поверх ствола.

Бессмертный последовал его примеру. На расстоянии, примерно равном полету стрелы, они увидели группу чернокожих. То, что это воины, было вне всяких сомнений каждый нес большой, ярко раскрашенный щит и копье с широким наконечником. Киммериец пересчитал чернокожих — их было пятнадцать человек. Его удивили их головные убор, размалеванные красками сооружения размером с хорошую тыкву. Форму эти шапки имели самую причудливую.

Удовольствовавшись осмотром, он пригнулся и посмотрел на бессмертного. Тот все следил за передвижением отряда, и киммериец легонько толкнул его в бок. Зольдо покосился на спутника через плечо.

Не было слышно ни хруста сухой ветки под ногой, ни чего-либо еще — только звериная интуиция варвара заставила Конана повернуться в ту сторону, откуда они с бессмертным только что пришли. Первое, что он увидел — выкрашенный в ядовитые цвета колпак над свирепым черным лицом. Потом в глаза ему бросилось белое костяное кольцо, вдетое в плоский нос с вывернутыми ноздрями; над ним блестели темные глаза.

Дикарь, обнаружил, что его заметили, раскрыл рот и пронзительно крикнул. Его зубы, ослепительно белые на черном лице, были подпилены и, казалось, что у него не рот человека, а пасть хищной твари, заполненная острыми треугольными зубами.

Теперь прятаться не имело никакого смысла. Будто невидима сила подбросила киммерийца вверх; вопль дикаря еще не затих, а Конан уже стоял на ногах. Ошеломленный подобной быстротой чернокожий отпрянул, прикрываясь щитом, на котором был намалеван жуткий лик какого-то дикарского божка; по краям щита бахромой свисали пышные перья. Дикарь взмахнул рукой, и Конан увидел копье, нацеленное ему в грудь; широкий обсидиановый наконечник блеснул на солнце.

Киммериец усмехнулся. Каменному копью не пробить доброй кольчуги, сработанной лучшими аквилонскими оружейниками, но он не стал проверять свои доспехи на прочность. Он не дождался, пока дикарь метнет свое оружие, а прыгнул навстречу, варвар из ножен меч. Острое, словно бритва, закаленное лезвие прошло сквозь древко копья, как сквозь масло; чернокожий даже не понял, что остался без оружия. Он издал воинственный клич и выставил щит, чтобы парировать удар, но меч Конана со свистом рассек щит сверху донизу. Дикарь отчаянно заверещал, когда вместе с половиной щита лишился и левой руки по самый локоть; следующий удар снес его голову вместе с разноцветным колпаком, и труп рухнул в кусты. Конан настороженно замер, но дикарь, зашедший им с тыла, видимо, был один.

Однако с другой стороны неслись дикие вопли и улюканье чернокожих соплеменников убитого — и уже не так далеко, как раньше. Конан повернулся навстречу врагу. Бессмертный тоже поднялся во весь рост и ждал приближения орущих орды; он неспешно раскачивал обнаженный меч из стороны в сторону, разминая руку. Схватка Конана с дикарем заняла считанные мгновенья, и завывающая на разные голоса толпа не успела еще приблизиться вплотную, однако длинные ноги дикарей несли их вперед с поразительной быстротой.

Конан и Зольдо перескочили через поваленное дерево и приготовились к отражению атаки. Их враги, по-видимому, и понятия не имели о таких вещах, как тактика и стратегия — они просто неслись, потрясая щитами и копьями и оглашая окрестности леденящим душу воем. Из одежды дикари имели на себе только высокие колпаки ожерелья и зубов на шеях. Конан подумал и присовокупил к мечу кинжал, взяв его в левую руку.

Путники не дали дикарям возможности атаковать их первыми; они бросились навстречу им сами, когда до врага оставалось не более пятнадцати шагов. Дикари завопили еще громче; затем Конан и Зольдо врезались в толпу чернокожих, и их воинственные клики смешались с предсмертными стонами и хрипением.

Конан рубился мечом, колол кинжалом и наносил удары сапогами. На врагах не было даже набедренных повязок, а меч играючи распарывал раскрашенные щиты; лезвие со свистом резало воздух, и каждый удар повергал противника на землю. Краем глаза киммериец глянул, что поделывает бессмертный. Зольдо косил дикарей так, как мальчишка косит палкой траву, воображая, что палка — это меч, а трава — несметное войско неприятеля. Грозный вопль дикарей стремительно перешел в общий крик ужаса; оставшиеся в живых развернулись и бросились бежать едва ли не быстрее, чем при атаке. Поле боя опустело, лишь на земле валялось шесть распростертых безжизненных тел, и почва жадно впитывала их кровь.

Конан, нахмурившись, смотрел вслед удирающим во все лопатки дикарям. Догонять их было пустым делом: они пересекли открытое пространство и затерялись между деревьями в лесу.

Бессмертный обходил трупы убитых.

— Конан, — позвал он, — иди сюда.

Киммериец приблизился к нему.

— Что тебе? — спросил он.

Зольдо кивнул на тело, лежащее перед ним.

— Этот живой. Притворяется мертвым.

Конан всмотрелся в лицо дикаря, и черная кожа того посерела. Он казался мертвым, но киммериец заметил, что ресницы чернокожего мелко дрожат. На бедре его была большая

рана от удара мечом.

— Добей его, — равнодушно сказал киммериец и отвернулся.

Бессмертный коротко взмахнул клинком, дикарь дернулся и застыл.

— Теперь нам надо спешить вдвоем против прежнего, мрачно сказал киммериец. —

Чернокожие, что живут здесь, менее гостеприимны, чем те, которых мы встречали раньше.
За нами будут охотиться.

Глава 11. СВЯТИЛИЩЕ

Громыхание барабанов казалось, заполнило все небо; замысловатые дроби из раскатистых низких звуков вели перекличку, которая продолжалась весь день. Она притихла только перед сумеркам, стала реже, но время от времени тяжелая дробь издалека поднималась к покрасневшему небосводу.

Киммериец оперся спиной о замшелый валун, что торча из земли подобно острому зубу, нацеленному в зенит, спугну в ящерицу, которая грелась в предзакатных лучах солнца. Рептилия испуганно метнулась в щель на камне, мелькнув зеленою спиной. Грудь киммерийца тяжело вздымалась под кольчугой, по шее сбегали струйки пота. Зольдо опустился на землю рядом с валуном. Большую часть пути после нападения дикарей они проделали размеженным неспешным бегом, но лоб бессмертного оставался сухим, а дыхание его не было слышно.

Конан отер вспотевшие виски тыльной стороной ладони и сплюнул.

— Кабы знать, долго ли еще? — выдохнул он.

Зольдо махнул рукой в сторону темнеющей впереди холмистой гряды, поросшей лесом.

— Туда, — сказал он.

— Туда! — раздраженно передразнил его киммериец. Сколько еще — туда?

— Близко. Очень близко.

Конан не ответил, а только сплюнул еще раз. Зольдо поковырял носком валявшуюся гнилушку.

— Доберемся до холмов, найдем укрытие, — произнес он. Ты спрячешься, а остальное предоставь мне.

Киммериец насупил брови, обдумывая оскорбительное для себя предложение.

— Ну и что дальше?

Зольдо молча пожал плечами.

— Их будет не пятнадцать: как в первый раз, а, может быть, в десять раз больше. Если навалятся всем скопом, то от мечей проку мало, — сказал Конан. — Надо придумать что-нибудь получше.

— Я же бессмертный, — возразил Зольдо.

— Бессмертный! — заволновался киммериец. — А вдруг они и падалью не брезгуют!

Зольдо нахмурился и помрачнел; Конан же смутился, но гнев еще бродил в нем. Тут лоб бессмертного внезапно разгладился, и лицо его прояснилось.

— Ты меня не понял, — сказал он. — Я предлагаю вот что: ты укроешься в безопасном месте, но сделаешь для меня одну вещь — отрубишь мне голову. У тебя это неплохо получается, — вставил Зольдо не без тени иронии и продолжил: — Я возьму голову в руки и выйду навстречу нашим чернокожим друзьям. Думаю, что после встречи со мной пыла у них поубавится.

Конан расхохотался, представив бессмертного расхаживающим с головой под мышкой. Зольдо продолжал говорить:

— Я могу драться и обезглавленным — лишь бы глаза видели врага и что с ним происходит. — Заметив изумленный взгляд киммерийца, он пояснил: — У тебя во дворце я притворялся: мне ничего не стоило продолжать бой даже после того, как ты рассек меня мечом.

Конан отмахнулся от предложения бессмертного.

— Мне это не нравится, — возразил он. — Мало ли что взбредет в дикарские мозги, а ты мне нужен — так же, как я тебе. Я предпочитаю видеть тебя рядом.

— Как знаешь, — произнес бессмертный.

Конан оторвал спину от камня.

— Поднимайся, — приказал он. — Еще чуть-чуть, и начнет смеркаться, а бежать в темноте мы не сможем. Надо бы добраться до холмов... а там видно будет!

Зольдо встал на ноги.

Они побежали дальше: бессмертный впереди, киммериец следом за ним. Сумерки были недолгими, но они успели наполовину сократить расстояние, которое отделяло их от гряды холмов. А потом, неожиданно и резко, опустилась тьма, и на потемневшем небе пропали крупные яркие звезды. Лес огласился новыми звуками, пришедшими на смену дневным; тонкие визги, басистое уханье и вой наполнили темноту. Путники сменили бег на шаг, продолжая продвигаться вперед, к холмам. Когда взошла луна, идти стало легче. Было полнолуние, и лунный свет рассеял непроглядную темноту леса. Тогда они снова перешли на бег. Грозный рев ночного хищника врезался в рулады обитателей джунглей; те на некоторое время испуганно примолкли, а потом опять засвистели, завизжали и загугукали.

Зверь рычал где-то неподалеку. Конан коснулся плеча идущего впереди Зольдо.

— Потише, — сказал он. — Пошли медленнее.

Киммерийцу совсем не улыбалось наткнуться на хищника; стоило быть поосторожней.

На рык первого зверя отозвался второй, и тоже близко. Путники шли, настороженно вслушиваясь и взглядываясь в тени, протянувшиеся от деревьев. Лунный свет серебрился на листьях и стволах, делая их белесыми.

— Впереди, — вдруг тихо сказал Зольдо. Он сразу замедлил шаг, и киммериец наткнулся на него. Конан понял краткое предупреждение бессмертного и принял быстро обшаривать глазами расстилающийся перед ним ковер мха и древесные стволы.

Леопарда выдала тень, которую отбрасывал его хвост. До гигантской кошки, притаившейся на дереве, было шагов двадцать; зверь прижался к толстой ветви на высоте в два человеческих роста. Он великолепно спрятался, но, с нетерпением поджидал приближающуюся добычу, нервно подергивал кончиком хвоста. Будь хвост неподвижен, его бы можно было принять за высохший сук, но он мотался из стороны в сторону, и тень плясала, следя за его движениями.

— Я пойду вперед, — шепнул бессмертный.

Не дожидаясь ответа, он направился к дереву, на котором распластался затаившийся леопард. Конан на всякий случай обнажил меч: где-то поблизости мог быть и второй хищник.

Бессмертный не преодолел и половины расстояния до леопарда, как тот вдруг завозился и тревожно мяукнул. Зольдо продолжал шагать к нему, и зверь, забыв про хоту, вскочил на все четыре лапы; шерсть на его спине поднялась дыбом, хвост нервно хлестал воздух. Леопард яростно зашипел на приближившегося бессмертного. Громадная кошка меньше всего ожидала подобного подвоха: то, что двигалось к ней, не было добычей, а являлось тем, что приводило ее в неописуемый ужас. Наконец леопард, не выдержав, ринулся в бегство; он спрыгнул с дерева, которое выбрал для засады, и, ломая кусты, помчался куда глаза глядят, лишь бы оказаться подальше от этого внушающего ему страх существа.

Конан подошел к бессмертному и озадаченно хмыкнул.

— Не понимаю, почему на тебя набросился кабан?

— Он был ранен и взбешен, а потом — слеп, — ответил Зольдо.

— Ладно. Уж на том спасибо, что не пришлось возиться с этой кошкой, — сказал киммериец, пряча оружие в ножны.

Громкий, полный боли человеческий вопль зазвенел в ночи. На него ответил разъяренный рык. Человек закричал снова, будто его терзал зверь. Ему ответили голоса людей, полные угрозы. И опять взревел хищник.

— Это с другой стороны, — произнес Зольдо. — Похоже, нас догоняют.

— А-а, проклятье! — выругался Конан. — Бежим! кто бы на них не напал, он их ненадолго задержит.

Они сорвались с места и помчались между деревьями. Ветер свистел в ушах киммерийца; на бегу он внимательно следил за тем, чтобы ненароком не наскочить на низко растущую ветку дерева и не споткнуться о выступающий из земли корень. Не упускал он из виду и мелькавшую между стволов впереди спину бессмертного: когда тот высакивал на поляну или прогалину, надетая на нем кольчуга вспыхивала серебром в лунных лучах.

— Берегись! — неожиданно крикнул Зольдо в полный голос. В руке его, тускло блеснув, появился меч.

В ответ на его предупреждения лесная темнота разразилась нестройным хором улюканья и завываний, в которых не было ничего человеческого. Конан сообразил, что их не только догнали, но и успели окружить. Теперь им предстояло пробиваться сквозь кольцо врагов.

Вскоре он увидел среди деревьев разрисованные щиты дикарей — они уже не прятались, а выскочили навстречу, размахивая копьями. Свои тела они покрыли светлой краской и были похожи на призраков, кривляющихся в необузданном танце.

Бессмертный остановился, и Конан быстро нагнал его.

— Я буду прикрывать тебе спину! — крикнул Зольдо.

— Хорошо, — кивнул в ответ Конан и, не сбавляя шага, устремился вперед.

Он врезался в ряды дикарей как таран в крепостную стену. Киммериец издал боевой клич своего племени, и столь ужасен был его крик, что чернокожие, первыми принявшие на себя удары тяжелого меча, в страхе отшатнулись. Клинок варвара не останавливался ни на мгновенье: мерцающая полоса стали разрубала щиты, крушила черепа, рассекала мышцы и кости. Там, где не успевал меч, его работу доделывал длинный кинжал киммерийца. Оружие дикарей не могло выстоять против закаленного отточенного лезвия, а сами они нападали беспорядочно и бесполково.

— Не отставай! — крикнул Конан бессмертному, которого не мог видеть.

Зольдо ответил гортаным выкриком.

Меч киммерийца смел с дороги еще двух врагов; теперь кольцо окружения было прорвано. Вслед путникам полетели копья; одно ударило в спину бессмертного и сбило его с ног. Зольдо кувыркнулся по земле, вскочил на ноги и понесся вслед за Конаном. Чернокожие, разочарованно взывив, бросились в погоню. Хотя они и были нагишом, что облегчало движения, деревья затрудняли путь как беглецам, так и преследователям. Самые быстроногие из дикарей бросили своих соплеменников и пустились вдогонку в одиночку. Один из черных скороходов даже обогнал киммерийца и выскочил из кустов наперевес, размахивая копьем. Конан отбил каменный наконечник и срезал дикарю половину черепа вместе с частью щита, которым тот решил прикрыться. Дикарь завертелся волчком,

разбрзгивая кровь и мозг, затем рухнул, ткнувшись изуродованной головой в землю.

Вскоре почва под сапогами Конана стала заметно тверже начался склон холма. Киммериец тяжело дышал, волосы его намокли от пота и налипли на лоб; он мрачно размышлял о том, сколько еще может продлиться та гонка. Силы его, в отличие от бессмертного, были почти на исходе. Стар становлюсь, мелькнула мысль, тяжел... Вопли преследователей по-прежнему звучали за спиной, но стали тише — ненамного, но тише. Зольдо бежал рядом, рука об руку; подошвы бессмертного с мерным хрустом давили усыпавшую землю прель. Они перевалили первый холм, затем второй. При подъеме на третий Зольдо неожиданно опередил киммерийца и, взбежав на вершину, замер, как вкопанный.

Конан поднялся к нему, кипя от злости. Он остановился рядом с Зольдо, тяжело переводя дух. Внезапно он понял.

— Пришли? — только и спросил Конан.

— Да, — ответил бессмертный. — Смотри!

Подножие холма, на котором они стояли, было свободно от растительности — так же, как и склоны других холмов, окружавших ровную каменистую площадку на дне небольшой котловины. В глубине ее находилось то, что больше напоминало огромную груду наваленных друг на друга камней гигантского размера. У основания той кучи зияло черным провалом отверстие. По всей поверхности площадки валялись другие валуны.

Конан подтолкнул бессмертного к спуску, но Зольдо отшатнулся и взглянул на него.

— Дальше я не пойду, — сказал он. — Буду ждать тебя здесь. Спускайся один.

— Ты забыл о дикарях? — спросил Конан. — Нам надо найти подходящее место — либо для укрытия либо для обороны.

— Они сюда не придут. Они боятся приблизиться к храму. Я тоже.

— Слушай, — рявкнул киммериец. — Пелиас сказал, что тебе нельзя входить в святилище и касаться талисмана — и только! Ты пойдешь вниз!

— Хорошо, — согласился Зольдо. — Но перед тем как ты отправишься в храм, тебе нужно отдохнуть и выспаться.

Бессмертный стал неторопливо спускаться по склону вниз.

Конан прислушался. Похоже, Зольдо был прав: вопли дикарей больше не тревожили тишину. Хотя, как знать...

Камни, которые лежали на скальной поверхности и сверху казались разбросанными в беспорядке, на самом деле были обломками циклопических статуй, упавших в незапамятные времена; рядом с ними гигант-киммериец чувствовал себя карликом. Разрушенные временем стены святилища теперь закрывали половину неба; луна равнодушно изливала на них свои холодные серебристые лучи. Когда-то святилище, вероятно, возвышалось над холмами и было видно издалека, подумал Конан. Еще он заметил, что все до единой разбитые статуи изображали гигантского змея.

Бессмертный не сводил взгляда с разрушенного храма.

— Тебя что, тянет в него войти? — поинтересовался Конан.

Зольдо помотал головой, как будто избавляясь от наваждения.

— Нет. Просто оно мне внушает ужас, — сказал он. Конан вытер взмокшую шею ладонью и стряхнул с нее капли пота.

— А-а, — протянул он. — Да, местечко не из приятных. Похоже, ты прав: дикии сюда лезть не собираются. Жаль, спрятаться здесь негде. Разве что в самом святилище.

— Можешь идти туда. А я вернусь на холм.

Конан усмехнулся.

— Ну нет, ночевать здесь мне тоже не по сердцу.

Они развернулись и пошли назад, в холмы, чтобы утром вернуться вновь.

Глава 12. КАМЕНЬ МЕРТВЫХ

Смолистый факел весело трещал и разбрасывал мелкие искры, желтое пламя металось и прыгало, а вместе с ним прыгали тени на сырых стенах. Толстый слой пыли покрывал пол, заглушая шаги. Конан не торопился: вкрадчивыми мягкими шагами он ступал по пыльным камням, чутко вслушиваясь в тишину в коридоре. Пока широкий проход с высоким потолком был пуст и молчалив, но киммериец никогда не доверял подобному спокойствию в таких местах, как развалины древних храмов — оно могло рухнуть в самый неожиданный и неудобный момент. Один подвох уже был налицо: войдя в наполовину обвалившиеся громадные ворота, он сразу же попал в этот коридор, а затем, сделав четыре поворота после первой развилки, обнаружил, что пришел в тупик. Тут Конан с досадой сообразил, что святилище представляет из себя гигантский лабиринт; ему пришлось возвращаться и идти другим путем. Он уже бывал в лабиринте стигийского храма, и выбраться оттуда было трудновато — ему это удалось лишь с помощью оживленной мумии древнего мага. Но здесь такой случай мог и не представиться! Кроме этого, храмовые лабиринты часто оборудовались всевозможными ловушками, известными лишь посвященным. Любого другого обычно ждала печальная участь — эти ловушки устраивались так, что у попавшего в них всегда оставалось время и раскаяться в совершенном преступлении, и оплакать свою горькую участь; смерть в них наступала не сразу, но всегда была мучительной.

Следы на пыли отпечатывались хорошо, но Конан решил подстраховаться в поисках дороги назад. Стены лабиринта были сложены из крупных глыб мягкого песчаника, и он стал кинжалом делать на них зарубки, каждый раз перед тем тщательно осматривая глыбу, чтобы не нарваться на неприятности. Он давно уже потерял счет поворотам и закоулкам с тупиками, но до этих пор все шло благополучно: не проваливался в тартарары пол, не обрушивался на голову потолок. Ветка в руке Конана догорела, и он поджег следующую.

Коридор делал очередную развилку, и тут киммериец насторожился — в одном из новых проходов пол изменил цвет. Конан направился туда и обнаружил, что слой пыли с каменных плит исчез неведомо куда. Он сделал очередную зарубку на стене и проследовал дальше, но далеко идти ему не пришлось — вскоре он увидел, что путь преграждает какая-то непонятная масса. Конан остановился сразу, лишь только заметил ее. Расстояние было приличным, и рассмотреть, что там такое, при дрожащем свете факела он не смог, но увидел главное — то, что загораживало дорогу, занимая коридор во всю ширину, было живым. Оно непрестанно подрагивало и шевелилось! На Конана неведомое существо не обратило никакого внимания, и он осторожно отступил назад, вернулся к развилке и пошел в другой рукав коридора, но его ждало разочарование — там был еще один тупик. Оставался единственный путь, который занимала неизвестная тварь.

Существо никак не реагировало на осторожно приближающегося к нему человека. Конан мелкими шагами двигался к твари, сжимая в руке меч; он уже ясно видел это создание. Подобное чудо ему встретилось впервые; оно было похоже на полупустой бурдюк с вином, который валялся брошенный на землю. Чудовищный по величине бурдюк! только у бурдюков с вином не бывает щупальца. Длинные и тонкие, они усеивали поверхность твари и не знали ни секунды покоя: они вздымались вверх и опадали, свивались в клубки, ощупывали стены и перед бесформенным телом.

Конан остановился. Было странным, что непонятная тварь не совершает никаких

попыток к нападению, — он уже подошел достаточно близко, чтобы его можно было заметить. Этот монстр либо слеп, либо лежит к нему не тем концом. Глаз у твари Конан не заметил, чего-либо напоминающего пасть тоже. Обойти чудовище было невозможно, и как убить эту тварь, киммериец не имел никакого понятия. Он пожалел, что у него нет с собой копья — вот здесь оно бы пригодилось. Он снова двинулся вперед. Чудовище продолжало свивать щупальца, как будто человека поблизости и вовсе не было. Конан весь напрягся в ожидании атаки твари. Расстояние между ними медленно и неуклонно сокращалось.

Когда до чудовища оставалось не более пяти шагов, оно атаковало. Хотя Конан и приготовился, нападение было столь стремительным, что он не успел ничего сделать. Тело и руки киммерийца обвили щупальца, сдавили грудь — так, что потемнело в глазах; и хотя Конан не выпустил меч, но оружие мало чем могло ему помочь. Внезапно в центре бурдюка раскрылась большая круглая пасть, усеянная по краям множеством мелких загнутых зубов. Чудовище оторвало киммерийца от пола и стало неторопливо подтаскивать его в пасти. Конан отчаянно сопротивлялся, но тщетно — тварь не выпускала его из своих железных объятий. Факел Конана тоже не выронил, поэтому видел, куда его тащат. За несколькими рядами зубов твари была видна зеленоватая глотка в белесых потеках; из нее несло смрадом. Щупальца чудовища время от времени попадали в огонь факела и, обожженные, отлетали прочь и начинали судорожно извиваться в воздухе.

Конан попытался вытянуть руку с факелом вперед, и когда пасть твари оказалась под ним и жадно распахнулась еще шире, готовясь заглотить добычу, он на мгновение напряг мышцы левой руки, а затем внезапно расслабил их. Его рука получила немного свободы, чего он и добивался; теперь отчаянным рывком он вытянул левую руку и воткнул пылающий факел в разверстую пасть чудища. Пламя коснулось зеленою плоти, и она зашипела под огнем, и тут же тварь в судороге дернулась, и щупальца на какой-то миг ослабли. Почувствовал свободу, киммериец вогнал меч в тело твари по самую рукоять.

Чудище издало странный булькающий звук. Конан почти упал на его спину, круганул меч в ране и потянул его, распарывая плоть твари. Щупальца вновь обрели былую мощь и отшвырнули киммерийца; он кубарем покатился по каменному полу, оставив меч в теле чудовища. Факел, которым он подпалил тварь, потух в ее пасти. С боевым кличем Конан рванулся вперед, спасать меч, но его встретила пустота: чудовище исчезло и унесло с собой его оружие.

Киммериец вытащил из-за пояса очередную смолистую ветку — он их нарубил впрок перед тем, как войти в святилище, и теперь возблагодарил Крома, что они не потерялись во время схватки. Он высек огонь и зажег факел. Коридор был пуст; тварь сбежала, оставив за собой крупные пятна темной жидкости — очевидно, то была ее кровь. Конан извлек из ножен кинжал и направился по следам, оставленным монстром терять меч он не собирался. Расправившись с чудищем, он всегда сможет вернуться назад по пятнам крови и продолжить поиски Камня Мертвых. Других подобных тварей Конан не опасался — он уже знал их уязвимые места.

Пятна крови тянулись по коридору, петляя вместе с ним. Конан шел и размышлял, что вернее: тварь ли оказалась на редкость живучей, или он нанес ей не слишком опасную рану. Вскоре следы привели его в громадный зал, посреди которого находился большой, идеально круглый водоем. Конан поднял факел повыше, осматривая место, куда он попал. Потолок зала поддерживало множество колон с вырезанными в камине ощеренными змеиными мордами; посреди водоема — то ли озерца, то ли бассейна — находился шестигранный

островок, к которому вело шесть тонких мостков, по одному на каждую грань. На островке высился пирамидальной формы алтарь, весь покрытый резьбой — от широкого основания до усеченной плоской вершины.

Конан решил обследовать зал после того, как вернет себе оружие. Пятна крови из ран чудовища уходили в темноту между колоннами, и он последовал за ними. Когда киммериец проходил мимо змеиных морд с разинутыми пастьями, ярчайшая вспышка внезапно ослепила его, и резко бросила в сторону. Оскалив зубы, с напруженными мускулами, он обшарил помещение взглядом, но зал по-прежнему был тих и пуст. Конан с осторожностью снова приблизился к колоннам. В пасти одной из змеиных морд промелькнул яркий блик света и исчез. Вырезанная из красного камня, она находилась на высоте в рост Конана, и, заглянув в промежуток между каменными челюстями, он увидел там перекошенную рожу демона. От неожиданности Конан отшатнулся; рожа в пасти дернулась и пропала. Киммериец испустил шумных вздох облегчения и досады — в каменной пасти было спрятано изогнутое, отполированное до блеска зеркало. Такие зеркала он уже видел: жрецы в храмах использовали их для различных церемоний. В змеиной голове, расположенной ниже, находилось отверстие для факела.

За колоннами была высокая дверь без створок. Свет горящей ветви выхватил из мрака а дверью бесформенную массу чудовища, которое распростерлось сразу за невысоким порогом: щупальца твари бессильно свисали, а из разинутой пасти сочилась густая белая масса. Тварь лежала совершенно неподвижно и еще больше напоминала бурдюк, только уже распоротый. Рукоять меча выглядывала из-под обвившегося вокруг нее щупальца, которое Конан перерубил ударом кинжала. Щупальце обмякло и соскользнуло с рукояти, и киммериец вырвал оружие из тела твари. Острое лезвие было измазано густой темной кровью, и Конан поморщился: вытират лезвие о гладкую шкуру чудовища не имело смысла. Может, в зале найдется какая-нибудь тряпка, которая истлела не до конца, решил киммериец. Он понес меч в руке; с лезвия медленно стекала кровь и крупными каплями падала на пол.

Поиски тряпицы успехом не увенчались. Громадный прямоугольный зал был пуст: только камень пыль и зеркала в колоннах, да за множеством дверей маячили все те же длинные коридоры лабиринта. Присутствия талисмана он так же не обнаружил — правда, оставался недосмотренным еще островок с алтарем. И нужно было поторопиться — вдруг на запах крови убитой твари соберется подобная же нечисть...

Наконец Конан подошел к бассейну. Вода в нем казалась черной, а гладь ее была ровной и спокойной: ни зыби, ни малой волны, и нахмурился, раздумывая. Если тварь, которую он не прикончил, не подохла в этом лабиринте с голода, значит она чем-то питалась. Вполне вероятно, что на дне водоема обитает еще какая-нибудь мерзость, которой только и надо, чтобы кто-нибудь ступил на мостки...

Конан опустился на колена, размахнулся, с силой ударили лезвием меча по воде и сразу же отскочил назад. Громкий, похожий на щелчок бича звук раздался в воздухе, по черной поверхности бассейна побежали быстрые мелкие волны; звук заметался между стенами, отдаваясь эхом, Конан выжидал. Поверхность воды вскоре успокоилась и снова стала ровной; похоже было на то, что в водоеме никто не обитал. Киммериец повторил трюк с мечом еще раз, но бассейн оставался безжизненным. Конан посмотрел на меч и довольно кивнул: вода почти смыла кровь с лезвия. Затем он поднялся и быстро перешел по мостику на остров.

Но здесь его тоже ждало разочарование — ничего похожего на Камень Мертвых! киммериец мысленно проклял и Пелиаса, и бессмертного, который сейчас дожидался его,

шатаясь по холмам вокруг святилища. Сколько таких залов может быть в лабиринте? Он может бродить по его коридорам до конца своих дней! А если к тому же талисман упрятан в какой-нибудь тайник...

Эта мысль привела киммерийца в ярость. Гнев закипел в его груди, и ему надо было выплеснуть его наружу. Конан со злобой посмотрел на алтарь. Высокая каменная пирамида со срезанной верхушкой была сплошь украшена затейливыми письменами, вырезанными на ее гранях. Очертания букв, из которых складывались неведомые слова, были незнакомыми; он не мог прочесть того, что было написано на каменных гранях алтаря. Но сейчас киммерийцу хотелось одного — разнести этот алтарь на кусочки. Сорвать его с места и утопить в черной воде бассейна!

Тут в голове Конана промелькнула некая мысль, и он решил ее проверить. Он поднес огонь к подножию алтаря. Так и есть: между основанием пирамиды и каменной плитой, на которой она стояла, была щель — тонкая, почт незаметная. Конан положил меч и пристроил к нему горящий факел так чтобы он не потух, затем навалился плечом на алтарь, покрепче уперся ногами и надавил. Алтарь остался неподвижен. Странно! Пирамида была не столь велика, чтобы он не смог ее сдвинуть с места — и, однако, его попытка не увенчалась успехом!

Конан попробовал опрокинуть алтарь — тоже безрезультатно. Правда, камень стал раскачиваться, но совсем чуть-чуть: что-то не давало ему сдвинуться с места. Киммериец делал третью попытку. Присев перед алтарем на корточки, он обхватил его; мышцы на спине Конана напряглись, на руках вздулись вены, на лбу от нечеловеского напряжения выступил пот. Он начал медленно выпрямлять ноги, прижимая пирамиду к груди; алтарь поддался и пошел вверх. От тяжести камня у Конана зарябило перед глазами, но он, поднявшись вместе с алтарем, в последнем усилии толкнул его прочь от себя и разжал руки. Пирамида с грохотом упала и раскололась на куски. Конан вытер рукой лоб, глубоко вздохнул и потянулся, разминая онемевшие мышцы. Четыре металлических штыря, в две ладони длинной каждый, образовывали квадрат. Теперь Конан понял, почему ему не удалось сдвинуть или прокинуть алтарь — пирамида была насажена на эти торчащие из каменной плиты штыри.

Потом Конан нагнулся и увидел Камень Мертвых. В углублении под алтарем лежал он, и киммерийцу показалось, что свет факела внезапно ослаб, и темнота еще больше сгустилась в зале. Камень Мертвых был цвета мрака — не черного, а именно мрака. Конан смотрел на него и чувствовал, как волна ознона пробегает по его сине, собирая кожу в пупырышки. Наконец он протянул руку, коснулся талисмана, и леденящий холод обжег его пальцы.

Но он не разжал их; он поднялся с Камнем Мертвых в руке, и боевой клич киммерийца прогремел под сводами святилища, эхом отразился от стен и вернулся к нему. Затем Конан распустил завязки небольшого кожаного мешка, висевшего у него на поясе, и спрятал талисман. Он запалил новый факел, подхватил меч и ушел с островка.

Пятна крови, пролитые тварью, уже подсохли. Пользуясь ими, как путеводной нитью, он двинулся по коридорам лабиринта к выходу, где его ожидал бессмертный.

Глава 13. ПОЕДИНОК

После мрака лабиринта дневной свет казался неестественно ярким. Конан заморгал, вытер выступившие на глазах слезы, потом оглянулся и посмотрел в темноту. Обратный путь к выходу из святилища не занял у него много времени и обошелся без помех; он вернулся по кровавым следам до места, где встретил чудище, а там уже шел по собственным зарубкам на стенах лабиринта. Когда глаза перестали слезиться и привыкли к свету, Конан прищурился на солнце и присвистнул от удивления: ему казалось, что в святилище он пробыл до вечера, однако золотой солнечный диск едва перевалил за полуденную черту. Сделав последний шаг, киммериец вышел из-под арки на скалистый грунт перед развалинами и направился в условное место, где его ожидал бессмертный.

Конан петлял между крупными обломками гигантских изображений Великого Змея, усеявшими площадь перед святилищем. Мелкие глыбы он перепрыгивал, при этом талисман в кожаном мешке увесисто бил его по бедру.

Дорогу киммерийцу перегородил очередной огромный обломок. Конан решил его не обходить; цепляясь пальцами за трещины в камне, он проворно взобрался на него и увидел фигуру бессмертного. Зольдо стоял спиной к святилищу на вершине холма, с которого они спускались давешней ночью, и смотрел в сторону джунглей.

— Зольдо! — крикнул Конан.

Бессмертный обернулся на крик и, увидев киммерийца, стал спускаться по скалистому склону обрыва. Конан посмотрел вниз, выбирая место поудобней, и одним прыжком слетел с камня.

Когда он вышел на свободный от обломков участок площадки, на противоположном ее конце появился бессмертный. Он взмахнул рукой, приветствуя Конана, и направился ему навстречу. Вскоре расстояние между ними сократилось настолько, что можно было разговаривать без крика.

— Ты нашел его? — спросил бессмертный.

— Здесь, — кратко ответил Конан и хлопнул себя по бедру.

Зольдо оставалось не более десятка шагов, и он мог бы коснуться плеча киммерийца, но вдруг споткнулся, как будто налетев на невидимую преграду, и рухнул на колени, а оптом упал лицом вниз и замер.

— Эй, что случилось? — спросил Конан.

Зольдо молчал; скрюченные пальцы бессмертного судорожно царапали камень.

Конан остановился. Происходящее было непонятным; вдобавок его настораживало то, что бессмертный упал на ровном месте. Опыт подсказывал киммерийцу, что от магии можно ждать подвоха в любое мгновение, а инстинкт напоминал, что такая перемена не сулит ничего хорошего.

Вдруг в воздухе словно бы потянуло ледяным ветерком, и Конан почувствовал слабые толчки в бедро. Не спуская глаз с распростертого тела бессмертного, он опустил руку на мешок с талисманом. Зольдо уже не лежал неподвижно; бессмертный медленно поднимался на ноги. Ладонь Конана вновь почувствовала толчки сквозь толстую кожу мешка; казалось, они стали гораздо сильнее. Камень Мертвых пульсировал, бился, как сердце, набирающее силу.

Зольдо поднялся и встал перед Конаном. Глаза бессмертного были выкачены из орбит,

губы беспрестанно шевелились, будто он хотел что-то сказать, но не мог; однако движения его уже не казались неуверенными медленным и точным жестом он положил кисть на рукоять меча и потянул лезвие из ножен. И в это же время его шевелящиеся губы справились с немотой.

— Берегись, Конан! — крикнул он.

Киммерийца поразил этот крик. В нем не было никакой угрозы; наоборот, Зольдо будто предупреждал его полным боли воплем. Камень Мертвых мерно и ровно бился в кожаном мешке.

Бессмертный обнажил меч и отбросил в сторону пустые ножны; его желтые выпущенные глаза обежали киммерийца с ног до головы, словно впервые видел его. Но глаза эти были исполнены ужаса и муки — они не принадлежали существу, которое готовилось напасть.

Конан не стал гадать, что происходит с его спутником, он просто поднял меч и приготовился к схватке. Оценив позицию бессмертного, он передвинулся немного влево, занимая более удобное для себя положение. Зольдо тут же переместился вслед за ним и этим свел преимущество Конана на нет. Киммериец видел уже искусство бессмертного в бою, но только сейчас оценил его до конца, сообразив, что во дворце так легко обезглавил Зольдо просто потому, что тот подставил шею сам. Но теперь он, кажется, не собирался поддаваться.

Бессмертный стал обходить Конана, не приближаясь к нему, и киммериец сразу раскусил уловку противника: тот хотел поставить его лицом против солнца. В свою очередь он выполнил маневр, который разрушил задумку Зольдо, и они закружили по площадке. Краем глаза Конан следил за тем, чтобы не споткнуться о какой-нибудь из валяющихся вокруг обломков. Он не хотел атаковать первым; слишком велик был риск нарваться на смертельный удар. Он, воин, вся жизнь которого прошла с мечом в руке, встретил равного себе по силе. Немало людей, слывших непревзойденными бойцами, нашли свою смерть от его меча, но тут противником был бессмертный, и это осложняло задачу. Одно дело — человек, которого можно ранить, и тогда боль от раны заставляет его делать ошибки; другое — ничего не чувствующая мертвая плоть. Зольдо был великим воином, и Пелиас ничуть не преувеличивая, утверждал это; кроме того, он был ожившим мертвецом, чье расчлененное тело срасталось мгновенно.

И потому Конан выжидал; бессмертный должен был напасть первым, раз талисман оказывает на него воздействие, хотя чародей говорил об обратном. Медленно отступая, киммериец двигался туда, где обломки статуй помешали бы поединку на мечах; он знал, что Зольдо физически слабей его, и в схватке без оружия потерпит поражение. Но бессмертный разгадал этот замысел: когда киммериец приблизился к узкому проходу меж двух обломков и стал пятиться туда, бессмертный остановился и опустил меч.

Конан выругался. Зольдо, повернувшись к нему спиной, отошел на несколько шагов и стал поджидать противника.

Конан отошел от обломков и встал напротив бессмертного.

— Ну, нападай! — рявкнул он.

Зольдо не шевельнулся.

— Тогда прочь с дороги, нежить! — сказал киммериец и шагнул вперед.

Оружие бессмертного свистнуло в воздухе. Конан парировал удар и ответил стремительным выпадом, нацеленным в голову противника. Хотя киммериец и был готов к этому, но, когда Зольдо отразил его удар, Конан проникся с восхищением к бессмертному. Потом удары посыпались один за другим; лезвия мечей сталкивались со звоном, разбрасывая

брьзги искр, противники фехтовали, предугадывая каждое движение друг друга. Этот бой мог продолжаться бесконечно; Конан это понимал, как понимал и то, что бессмертный, в отличие от него, не ведает усталости. Он сделал несколько попыток вышибить меч из рук бессмертного или отбросить его оружие и потом сбить Зольдо с ног, но тот оказался предусмотрительным. Мертвые мышцы боли не ощущали, к тому же бессмертный умело ослаблял силу ударов противника — и снова лезвие его меча плясало перед Конаном гибельный танец. Зольдо не отступал; не отступал и Конан, которому приходилось защищаться, ибо самая малейшая рана была сейчас для него смертельной угрозой. Они почти не сдвинулись с того места, с которого начали поединок; оба будто бы вросли в землю, и только звон стали окружал их незримой стеной.

Киммериец чувствовал, что усталость не за горами; скоро она начнет подкрадываться к нему. Он вспомнил меч, который бессмертный выбрал в оружейных кладовых королевского дворца. Меч был, без спора, хороший, но тоньше и легче его собственного — ненамного, но все же. Париюв очередной удар бессмертного — так, что его рука отлетела чуть дальше Конан слегка раскрылся, и меч Зольдо тут же устремился в незащищенное место. С хриплым выкриком, собрав все силы, киммериец нанес страшный удар в самую уязвимую точку на лезвии вражеского меча, и в руке Зольдо осталась рукоять с торчащим из нее коротким обломком стали. Остальная часть лезвия отлетела далеко в сторону, со звоном упав на камень.

Бессмертный, однако, не растерялся; с силой метнув в Конана рукоять с обрубком лезвия, он бросился бежать к святилищу. Киммериец ринулся за ним вдогонку. Отчаянным рывком он настиг бегущего и замахнулся мечом, собираясь снести ему голову, но Зольдо неожиданно нырнул Конану в ноги. Киммериец налетел на него и покатился по земле.

В следующий миг Зольдо выдернул из-за пояса два стилета и прыгнул на поверженного противника. Конану пришлось выпустить меч, чтобы перехватить запястья бессмертного; потом, в борьбе за оружие, они покатились по площади. Киммериец после отчаянного сопротивления оседлал своего врага, вырвал у него стилеты и отбросил их подальше. Бессмертный неистово дергался под тяжелым телом Конана; Камень Мертвых ровно бился в мешке на бедре.

Киммериец поиском глазами свой меч, но тот лежал далеко. Конан подумал, что бегство Зольдо могло оказаться всего лишь уловкой, чтобы лишить его оружия. Рывки бессмертного усиливались, и держать его вечно киммериец не собирался. Он потянулся за кинжалом, намереваясь повторить то, что уже сделал однажды — отрубить Зольдо голову, а потом швырнуть ее подашь: обезглавленное тело бессмертного в этом случае станет практически беспомощным.

Он не смог выполнить задуманное. Тело под ним выгнулось, сбросив киммерийца, и тут же он получил страшный удар ногой по руке с оружием. Кинжал вылетел из пальцев Конана, а бессмертный змеей выскоцил из его хватки; и, не успел он опомниться, как Зольдо вцепился в мешок с талисманом и силой дернул к себе. Завязки лопнули, но Конан успел перехватить Камень Мертвых в воздухе. Рывок бессмертного помог ему подняться; затем кулак киммерийца врезался в лоб противника. Тот, выпустив мешок, кубарем покатился по земле.

Конан помчался к мечу. Он уже был совсем рядом, когда, споткнувшись о каменный осколок статуи, рухнул навзничь. Он сильно ударился подбородком: из глаз полетели искры, а во рту появился солоноватый привкус крови. Над ним что-то просвистело, и он увидел, как

упал далеко впереди кинжал, который метнул в него Зольдо. Топот сапог бессмертного раздавался совсем рядом — и совсем рядом был меч.

Подтянувшись на руках, Конан схватил оружие. Подняться с земли он уже не успевал: фигура Зольдо заслонила над ним солнце. Киммериец перекатился на спину и рубанул мечом, подсекая противнику ноги. Бессмертный рухнул на него, но Конан тут же отшвырнул его прочь и стремительно поднялся. Зольдо, извиваясь всем телом, быстро полз к нему; ног ниже коленей у него не было; отсеченные конечности валялись рядом с киммерийцем, и тот пинками отправил их подальше. Бессмертный сделал попытку подняться, но вновь упал: культи плохо держали его. Внезапно встав на четвереньки, словно животное, Зольдо поскакал вдогонку за ногами, но киммериец в два прыжка настиг его и опрокинул, ударив сапогом. Бессмертный вцепился ему в ногу, стремясь свалить, и Конан заработал мечом.

Вскоре бессмертный, лишенный всех конечностей, беспомощно барахтался у его ног. Киммериец отпрыгнул в сторону; отрубленные руки Зольдо все еще сжимали его сапог. Он с омерзением стряхнул их; кисти упали и тут же поползли к бессмертному, перебирая пальцами. Зольдо же на обрубках ковылял им навстречу.

— А-а... Проклятье на твою голову! — взревел киммериец.

Не глядя, он сунул меч в ножны, подскочил к бессмертному, схватил его за волосы и поволок. Зольдо прилагал отчаянные усилия, чтобы освободиться, но Конан остервенело тащил и тащил его по площадке. Оттащив Зольдо, как ему показалось, на безопасное расстояние, киммериец отпустил волосы бессмертного, и тот немедля отправился за утерянными частями тела. Конан снова нагнал его, опрокинул и придавил ногой. Бессмертный возился, стараясь сбросить его сапог.

— Кром! Я что, так и буду бегать за тобой? — рявкнул Конан, глядя в лицо противника.

Остекленевшие глаза Зольдо были ему ответом. Киммериец огляделся и обнаружил неподалеку осколок каменной плиты, покрытой почти стершейся резьбой. Он подтащил бессмертного к нему. Мешок с талисманом, который Конан до сих пор сжимал в руке, мешал, и он откинул его в сторону. Удерживая бессмертного на месте, он наклонился к осколку плиты, перевернул плоский камень и навалил его на грудь Зольдо. Теперь бессмертный стал похож на опрокинутую на спину черепаху: голова его моталась из стороны в сторону, а обрубками конечностей он махал в воздухе, словно лапами. Конан с удовлетворением посмотрел на эту картину.

Подобрав мешок с талисманом, он вновь привязал его к поясу; Камень Мертвых по-прежнему бился и трепетал, словно живой. Легкое царапанье достигло слуха киммерийца; он резко повернулся на звук и увидел руки бессмертного, которые упрямо ползли к телу, цепляясь пальцами. Поморщившись, Конан подобрал два больших камня и придавил ими обрубленные конечности. Потом он вновь посмотрел на поверженное тело Зольдо и принялся за работу.

Выбирая из валяющихся вокруг обломков покрупнее и потяжелее, Конан заваливал камнями бессмертного, воздвигая над ним каменный курган, из-под которого без посторонней помощи Зольдо уже не выбраться. Плоским камнем он собрался закрыть его лицо, как услышал тихий, еле слышный шепот:

— Конан... Конан...

Бессмертный звал его.

Киммериец склонился над ним.

— Унеси Камень к холмам... Поскорее...

Конан выпустил осколок из рук и поднялся. Он воздел сжатые кулаки к небу и потрясими.

— Кром!

Глава 14. СМЕРТЬ ЗОЛЬДО

В чистом голубом небе появилась темная точка. Она быстро увеличивалась, и вскоре у нее появились крылья. Крылья эти были не похожи на птичьи, да и размеры приближающегося существа были слишком велики для птицы. Какая-то тварь летела к святилищу; черный ее силуэт вырастал на глазах в прозрачной голубизне небосвода.

Безобразный крылатый монстр снижался на площадь, перед развалинами, отрезая киммерийцу дорогу к холмам. Глубокие глазницы монстра полыхали оранжевым: вместо шерсти морду покрывала крупная черная чешуя, а между острых ушей поднимался гребень. Торс чудовища был подобен человеческому; длинные шестипальые руки оканчивались загнутыми острыми когтями. Ноги только до колен походили на человеческие, а ниже — камень площади царапала громадная птичья лапа. За плечами, поднимая ветер, взмахивали две пары жестких крыльев, одна над другой.

Монстр опустился на площадь и сложил крылья за спиной. Он высунул из пасти тонкий раздвоенный язык и зашипел.

Конан попятился, прикидывая в уме расстояние до развалин. Только в лабиринте святилища можно было найти укрытие: как ни велики его коридоры, твари таких размеров в них не протиснуться.

Чудище, однако, проявило к киммерийцу полнейшее равнодушие. Зашипев, монстр опустился на четвереньки и наклонил голову низко к земле, сгорбив уродливую спину. На шее у него сидел человек. Чудовище подставило к плечу когтистую ладонь, и человеческая фигура соскочила на нее, а затем на землю. Размахивая руками, человек побежал к киммерийцу.

Конан изумленно глядел на бегущего. Путаясь в своем длинной просторном одеянии, к нему торопился маг Пелиас.

— Ты?! — выдохнул киммериец, когда чародей побежал поближе.

Волшебник замахал на него руками, как ветряная мельница.

— Друг мой, — с натугой выдохнул он, — я все тебе объясню, но не сейчас. Где талисман?

Конан ответил на это взбешенным ревом.

— Нет! Ты мне объяснишь сейчас! — заорал он. — Ты все подстроил с самого начала! Ты все знал!

Пелиас устало опустился на обломок статуи и сгорбился. Тут Конан увидел, что лицо волшебника выглядит похудевшим и изможденным, а под глазами у него залегли черные круги. Пелиас развел руками и хлопнул себя по колену.

— Да, — произнес он, — я все знал. Но я не мог сразу отправиться вместе с вами. — Голос его сорвался на крик. Понимаешь? Не мог!

Пелиас с размаху ударил кулаком по камню, на котором сидел, отшиб кулак и, сморшившись от боли, затряс им в воздухе.

— Мне необходимо было заглянуть еще кое-куда. Там я и задержался — вернее, меня там попытались задержать. Волшебник придилично осмотрел пострадавший кулак и просил:

— Ну, так где же Камень Мертвых?

Киммериец сорвал с пояса мешок и тряхнул им перед чародеем.

— Ага, — сказал Пелиас с удовлетворением.

Конан уставился на мешок, кожаные бока которого вздымались и опадали.

— Послушай, Пелиас, талисман вроде бы стал больше, недоуменно произнес он.

— Ай-ай-ай, — насторожился чародей.

Внезапно радужные лучи брызнули в разные стороны от фигуры волшебника.

Волшебник, как бы защищаясь, вытянул вперед руки и отступил на шаг.

— Ну и ну, — вымолвил Конан.

Пелиас что-то негромко пробормотал, и вокруг него образовалась слабо мерцающая оболочка в виде яйца.

— Друг мой, нам нельзя больше медлить, — раздался из кокона приглушенный голос чародея. — Что с бессмертным?

Конан отодвинулся.

— Видишь? — спросил он.

Брови Пелиаса поднялись на лбу.

— Вижу, — ответил он. — Положи мешок с талисманом на землю.

Киммериец опустил мешок у своих ног.

— А теперь уходи отсюда, — сказал Пелиас. — Иди к монстру, на котором я прилетел. Он унесет тебя отсюда.

Конан помотал головой.

— Я никуда не пойду!

— Мой король, это смертельно опасно, — возразил волшебник. — Ты даже не представляешь, что здесь начнется!

Киммериец снова сделал жест отрицания.

— Ты меня уже разок надул, и я тебе не верю. Мне не по нутру, когда рядом с моим королевском крутятся ненормальные чародеи с какой-нибудь новой игрушкой. Я с таким уже встречался, и всегда приходилось разбираться с помощью меча.

— Конан, я знаю, что ты не доверяешь магам, — печально сказал Пелиас. — Но позволь, друг мой, сказать, что мы, вероятно, видимся в последний раз. Если сможешь, прости меня — ведь я вынудил тебя совершить это путешествие.

Киммериец нахмурился.

— Ты серьезно?

— Совершенно серьезно.

— Ну что ж, тогда я пойду, — задумчиво произнес Конан. — А чудище свое отпусти или оставь себе на всякий случай. Я доберусь сам.

— Мне эта крылатая тварь не понадобиться, — возразил маг. — Если ты не улетишь на неё, то она выйдет из-под моей власти, как только я задействую талисман.

— Мне она тоже не нужна, — решительно отказался киммериец.

— Как знаешь, — согласился Пелиас. — Позволь, я провожу тебя и заодно отпущу на свободу это существо.

Они расстались на краю площадки. Конан стал взбираться по крутым склону наверх; он слышал, как за спиной у него шумно взлетела тварь, отпущенная чародеем на волю. Киммериец добрался до вершины холма, помахал оттуда Пелиасу и направился в сторону леса — так, чтобы волшебник видел, как он уходит. Но прошел он совсем немного, а затем лег на землю и ползком вернулся к обрыву. Спрятавшись за чахлым кустом, прилепившимся на самом краю, киммериец стал наблюдать за магом.

Куча тяжелых камней, под которой покоился бессмертный, с этой точки была прекрасно

видна. Пелиас сидел рядом с ней. Конан стал ждать, что будет дальше.

Ожидание его затянулось — видимо волшебник в самом деле решил предоставить Конану возможность уйти подальше. Глаза киммерийца начали слипаться, и он заснул.

Проснулся он от близкого раската грома. Конан поднял голову, моментально пробудившись, будто и не дремал вообще. Уже смеркалось. Гром бабахнул второй раз, и Конан в недоумении задрал лицо к небу, на котором не оказалось и следа облаков; оно было чистым и ясным, и первые звезды только-только проступали на нем. Киммериец посмотрел с обрыва вниз и ничего не увидел: луна еще не взошла, тени заливали котловину и только развалины святилища неясной грудой темнели в дальнем ее конце. Громыхающий раскат расколол небо в третий раз, и в землю ударила слепящая молния. Она не исчезла, а продолжала блестать, как искореженная нить, соединяющая безоблачный небосвод с погруженной во тьму землей. Маленький островок яркого света вспыхнул в котловине. Молнии били снова и снова; наконец они слились в одну сверкающую воронку, которая вытянулась острием вниз, упираясь в светящийся островок. Внезапно Конан сообразил, куда бьют эти молнии: в место, где лежал Зольдо, погребенный под обломками. Сощурившись от яркого блеска, киммериец увидел темную фигуру с воздетыми вверх руками; она медленно отступала среди бьющих со всех сторон молний. Островок света разгорелся и засиял, соперничая с ними блеском; тьмы больше не было, только черная фигура мага пятилась к краю площадки. Шаги чародея были неверны, он шатался, словно пьяный. И тут в него ударила молния... Маг рухнул наземь, как подкошенный.

Конан съехал вниз по склону и побежал к упавшему Пелиасу. Сияющие разряды с грохотом врезались в камень, но ни один не задел его. Киммериец упал на колени перед телом волшебника, разглядев, что опаленные волосы мага спеклись в темную массу. Похоже, у него больше не было ни ресниц, ни бровей, а кожа на лице потемнела и покрылась трещинами и волдырями. Конан схватил его за плечи и взвалил себе на спину.

Мощный удар выбил у киммерийца землю из-под ног. Он упал, ударившись плечом и выронив тело Пелиаса; площадка ходуном ходила у него перед глазами, гладкий камень лопался и стрелял трещинами. Конан вскочил, с трудом сохраняя равновесие; твердь земная колебалась под ним, словно палуба корабля в море. Подхватив обмякшее тело Пелиаса, он рывком забросил его себе на плечо и обернулся: там, где воронка из молний касалась земли, теперь зияла стремительно растущая пропасть, в которую низвергались громадные каменные обломки.

Киммериец бросился бежать; он несся не чуя ног, перескакивая через вздымающееся каменно крошево. Обдирая руки, он лез по склонам обрыва, падал и лез снова, и камни сверху сыпались на него.

ЭПИЛОГ

Королева Зенобия сидела в резном кресле, положив подбородок на сложенные ладони. Рядом с ней стоял граф Просперо, склонившись в учтивом поклоне; губы его беззвучно шевелились. Граф сопровождал свою неслышную речь выразительной жестикуляцией, но брови королевы оставались нахмуренными. Она о чем-то спросила Просперо, и граф беспомощно развел руками. Зенобия порывисто поднялась и топнула в гневе туфелькой.

Изображения королевы и графа побледнели и пропали; мерцающий шар, висевший над костром, съежился и струйкой дыма развеялся в воздухе.

— Ну, видишь, все в порядке, — сказал Пелиас и перевернулся на другой бок, зашипев при этом от боли.

Конан не ответил, ткнув ножом оленью ногу, подвешенную над угольями. Где-то неподалеку в джунглях громко захрустели ломающиеся ветви, и киммериец настороженно повернулся на шум.

— Не беспокойся, мой король, — произнес волшебник. Хотя меня и потрепало изрядно, но сил, чтобы отвадить непрошеных гостей, хватит. Сквозь магический круг не пройти никому, ни зверю, ни человеку. Мы можем спать спокойно.

Пелиас пошевелил остатками бровей на обгоревшем лице и страдальчески сморщился.

— Вот уж не думал, что ты полезешь за мной в это пекло! — Волшебник осторожно коснулся кончиками пальцев кожи на лбу.

Конан отрезал от оленьей ноги маленький кусочек и сунул в рот, потом старательно разжевал и проглотил. На физиономии его проступило удовлетворенное выражение.

— Кром! Я бы продал душу за несколько глотков вина, сказал он.

— Вина? — удивился Пелиас. — Что же ты молчишь?

Волшебник принял бормотать себе под нос непонятные слова заклинаний. Когда он умолк, Конан огляделся в поисках кувшина. Вином, однако, не пахло.

— Ну? — раздраженно буркнул киммериец, разочарованный в своих ожиданиях.

— Подожди немного, вино будет, — успокоил его Пелиас.

Конан недоверчиво покосился на чародея, но ничего не сказал. Желудок его требовал пищи и, не дожидаясь обещанного вина, он отрезал два изрядных куска жареного мяса, протянув один из них магу. Конан быстро расправился со своей порцией и примеривался отрезать еще, когда сверху раздалось громкое уханье.

— Вот и вино, — сказал Пелиас. — Лови!

Над головой Конана затрещали ветви; он поднял взгляд и увидел, как сквозь крону деревьев на него падает темный комок. Он поймал его на лету. Упавший предмет издал звучное бульканье, и Конан опустил себе на колени полный бурдюк. Пелиас благожелательно поглядывал, как его сотрапезник, вырвав из бурдюка затычку, шумно принюхался.

— Вино, — довольно сказал он и припал к меху, сделав изрядный глоток; затем оторвался и добавил: — Отличное вино!

После этого киммериец поднял бурдюк над головой, и темная жидкость струей потекла в его раскрытый рот. Бурдюк стал худеть на глазах.

— Друг мой, оставь и мне немного, — обеспокоено сказал Пелиас.

Конан вытер губы и протянул наполовину опустевший мех волшебнику. Пелиас чуть-чуть пригубил, и рот его сложился в довольную улыбку.

— Ты послал за ним одного из своих уродов? — спросил Конан.

Пелиас согласно наклонил голову.

— Хорошее винцо! Откуда он его взял?

— Стянул где-нибудь.

Киммериец вернулся к прерванному ужину, щедрыми глотками запивая куски жареной оленины.

Пелиас, покряхтывая и шипя, принял сидячее положение.

— Друг мой, я бы хотел выразить тебе свою признательность, — заговорил маг, — ибо ты уже второй раз спасаешь меня от смерти. Я готов объяснить тебе причины моего странного на первый взгляд поведения.

Конан оторвался от мяса.

— Не надо, — сказал он.

— Как? — изумился волшебник. — Ведь ты требовал от меня объяснений?

Конан отшвырнул в сторону обглоданную кость.

— Пелиас, — сказал он, — ты хотел повернуть мир на другую колею и спасти его от гибели. Ты это сделал?

— Мы это сделали, мой король, — поправил киммерийца маг.

— А-а, пустое, — отмахнулся Конан, — оставь свои бредни при себе, у меня от них голова болит. Я видел, что ты вытворял перед развалинами! Не скрою, я думал, что ты хочешь завладеть талисманом, и решил тебе помешать, но я ошибся. Почему ты меня обманывал, не знаю и знать не хочу! То, что я видел, сказали мне, что твои слова о гибели моего королевства и королевы могут быть правдой. Поэтому мы квиты: ты делал свое дело, а я делал свое. Я знать не хочу о судьбах мира, а моя жена и королевство мне дороги. А вытащил я тебя потому, что решил: иной раз не худо иметь под рукой колдуна, с которым можно договориться. Ясно? Но постарайся не впутывать меня больше ни во что, иначе от нашей дружбы не останется и следа.

— О, мой король! Если бы только я мог поступить по-другому... — печально произнес Пелиас.

Конан усмехнулся и отхлебнул вина.

— Тогда хоть не ври — у тебя это плохо получается, сказал он. — И ответь мне на один вопрос.

— Какой? — спросил волшебник.

— Что с Зольдо?

— А-а, я знал, что ты о нем просишь, — улыбнулся маг. Теперь душа его на Серых Равнинах, тело же сгорело, а пепел канул в бездну вместе с Камнем Мертвых. Бессмертного больше нет!

Конан смотрел в огонь и молчал. Языки пламени, отражаясь, плясали в его синих глазах.